

С.А. Кшановский

РЯДОМ СО СМЕРТЬЮ

(воспоминания военного врача)

**г.Киев
2011 г.**

**Посвящается 100-летию со дня рождения
моего отца и миллионам наших людей,
попавшим в "мясорубку" величайшей в
истории человечества "бойни"
Второй мировой войны.**

Мой отец встретил Великую Отечественную войну военврачом третьего ранга на западной границе в районе Шепетовки. Прошел ад начального периода войны, раненым попал в фашистский плен, но выжил в нечеловеческих условиях неволи. В послевоенное время работал педиатром-фтизиатром (детский врач по туберкулезу), защитил кандидатскую диссертацию, а затем и докторскую, стал профессором. Более двадцати лет, до самых последних дней жизни, возглавлял силы по борьбе с детским туберкулезом на Украине. К сожалению, он не дожил до провозглашения Независимости нашего государства, в феврале 1990-го его не стало. Но все свои силы, знания, умение и здоровье он отдал на благо здоровья детей... В ратном труде ему помогала верная спутница жизни – доктор Чаплыгина Мария Николаевна, ушедшая из жизни в сентябре 2009-го, и его верные друзья...

В послевоенные годы у отца не сложилось издать страницы воспоминаний о пережитом в годы Великой Отечественной войны, о горечи утрат, которые переживали наши люди. В те годы было недостаточно иметь одну лишь волю и желание на страницах печати излагать то наблевшее, что десятилетиями тревожило душу. По объективным на то причинам – в годы "прославления" героического прошлого не "модно" было печатать работы о неудачах и просчетах тяжелого для страны начального периода Великой Отечественной войны, а тем более о суровых испытаниях, выпавших на долю воинов, попавшим в фашистский плен.

Исполнить мечту отца об издании воспоминаний о самом драматическом периоде его жизни и жизни нашего народа и государства через много лет после окончания Великой Отечественной и в канун 50-летия ее начала старается его сын... Насколько это удалось, судить тебе, дорогой читатель.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Станислав Адольфович Кшановский родился 18 февраля 1912 г. в с.Подлесный Мукаров на территории нынешней Хмельницкой области (город Хмельницкий раньше назывался Проскуров). После окончания семилетки отправился искать работу на Донеччину, где поступил на завод. Захотел получить больше знаний и поступил на рабфак, после которого учился в медицинском институте г.Сталино (ныне Донецк) и в 1937 г. закончил его, став работать на кафедре туберкулеза мединститута. В январе 1940 г. в период советско-финской войны был призван в ряды Красной Армии в качестве военврача 3-го ранга 146-го медсанбата 141-й стрелковой дивизии.

Первые дни Великой Отечественной войны встретил в районе Шепетовки (западная граница) в составе этой же 141-й дивизии, где командовал госпитальной ротой медсанбата. В августе 41-го, в тяжелых оборонительных боях в районе леса "Зеленая брама" Кировоградской области (те жестоко кровавые бои подробно описаны в одноименной документальной повести Е.Долматовского) при попытке прорыва из очередного окружения, предпринятой оставшимися от многотысячной 141 сд несколькими десятками воинов, Кшановский был ранен, контужен и попал в плен недалеко от с.Подвысокого.

В своих воспоминаниях Кшановский повествует о самоотверженном труде наших медиков, оказывавших медицинскую помощь больным и раненым в невероятно тяжелых условиях фашистской неволи. В плену, несмотря на постоянную угрозу расправы, сгруппировался преданный друг другу медицинский коллектив, который несмотря на постоянный смертельный риск, оказывал помощь больным и раненым, спасал жизнь командному составу, политработникам и другим товарищам, которых содержали под видом больных в изоляторах, а затем по возможности переправляли их в партизанские отряды. Пройдя долгий путь концлагерей, в апреле 1945 г. Кшановский был освобожден из плена частями 9-й американской армии и возвратился на Родину. Пройдя все "проверки", он был восстановлен в партии и назначен главным врачом областного детского туберкулезного санатория в с.Малиевцы Хмельницкой области. Свои 10-летние наблюдения он обобщил в кандидатской диссертации, которую защитил в 1957 г. В 1959 г.Кшановский был избран по конкурсу на должность заведующего клиникой туберкулеза легких у детей и подростков Киевского научно-исследовательского института фтизиатрии и пульмонологии им. Т.Г. Яновского.

В 1967 г. защитил докторскую диссертацию, в 1972 г. ему было присвоено звание профессора. Он автор 133 научных трудов, в том числе четырех монографий, две из которых – первые книги по вопросам дифференциальной диагностики заболеваний легких у детей и подростков, изданные в СССР. Под его руководством защищены одна докторская и семь кандидатских диссертаций. Среди его учеников известные доктора и ученые - академик АМН Украины Ю.И. Фещенко, профессор В.П.Костромина, доктор наук В.А.Рушак, Н.М.Шаповал и другие. Свыше 20 лет Кшановский исполнял на общественных началах обязанности главного фтизиопедиатра Украины. Он щедро делился с коллегами своим богатым опытом практической работы, как отзывчивый Учитель и Наставник, как Врач, небезразличный к человеческому горю.

Его заслуги, заслуги защитника родины и самоотверженного труженика на ниве борьбы за здоровье людей отмечены орденами Отечественной войны 1

степени, Красной Звезды, Знак Почета, медалями "За оборону Киева", "За трудовую доблесть", "За доблестный труд" и семью другими медалями.

Станислав Адольфович ушел из жизни 26 февраля 1990 г. и похоронен на мемориальном Байковом кладбище по соседству с усадьбой родного института, в котором он так плодотворно работал и отдавал всего себя до последнего вздоха. Его коллеги, ученики, врачи Украины, многочисленные пациенты с любовью вспоминают этого видного ученого-клинициста, доброго, отзывчивого, высокопорядочного, верного врачебному долгу человека.

От автора

В книге отображены особенности оказания срочной медицинской помощи в тяжелых оборонительных сражениях первых дней и недель Великой Отечественной войны. Освещается массовое добровольное движение наших женщин, проявивших безграничный героизм и милосердие при оказании помощи больным и раненым красноармейцам и командирам на оккупированной фашистами Украине. Приведены уникальные способы оказания медицинской помощи больным и раненым в невероятно трудных условиях фашистского плена.

Воспоминания основаны на достоверном материале, автор которых встретил войну командиром госпитальной роты 146 медсанбата 141 стрелковой дивизии Красной армии.

Хочу надеяться, что книга найдет положительную оценку читателей.

Глава 1. ПОПЫТКА ПРОРЫВА ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

...Шли первые недели войны. Жаркое лето на Украине. На небольшой лесной поляне, рядом с натянутой палаткой сидел на пне красноармеец. Его согнутая фигура была наклонена над лежащим на носилках тяжелораненым красноармейцем Костиным, лицо которого было пепельно-синюшного цвета, а по щекам его постоянно скатывались капельки холодного пота. Костин постоянно просил пить, а вместо этого получал лишь капли влаги для увлажнения губ, но даже они вызывали у него позывы рвоты. Надо было видеть, с каким терпением и выдержкой красноармеец Щербань строго выполнял назначения военврача. Он по каплям увлажнял уста раненого, пытаясь утолить его жажду. Постоянные, все учащающиеся стоны, приступы боли в животе, стремление повернуться на бок с согнутыми в коленях ногами свидетельствовали о серьезных повреждениях органов брюшной полости, которые сопровождались уже необратимыми изменениями во всем организме тяжелораненого.

Тем не менее, сознание раненого пока оставалось относительно ясным и он понимал безнадежность своего положения, постоянно спрашивая: "Когда все это кончится?!" В оцепенении нервного истощения он требовал одного – дать ему возможность покончить с собой. Я вскрыл ампулу с физраствором, подошел к раненому, сел на рядом лежащий ствол дерева и начал сам увлажнять раствором его плотно сжатые губы, пытаясь их хотя бы чуть-чуть приоткрыть. Раствор даже не попадал в полость рта, а мои действия, направленные на то, чтобы раздвинуть губы, вызвали протест и сопротивление. Неожиданно раненый, собрав последние силы, вцепился в кобуру моего револьвера, пытаясь вытащить оружие и застрелиться. Остро возникшее агрессивное возбуждение быстро сменилось спокойствием и апатией – прекратились стоны, раненый быстро успокоился и стал внешне адекватным. Однако, на фоне мнимого улучшения, резко выросла апатия и сердечно-сосудистая недостаточность, а вскоре быстро наступила агония и смерть.

Какая невероятно жестокая правда войны. Не познавшие еще жизни, ни в чем неповинные, преимущественно молодые мужчины со своими планами на учебу, работу и будущее уходили из жизни в страшных мучениях. Говорят, что медики в силу специфики своей работы привыкают к людским страданиям. Может быть, это в какой-то мере и так, но только в какой-то мере... Нам, врачам, трудно смириться с тем, что человек в мирное время погибает от несчастного случая или страшной болезни, например от рака, над излечением которого бьются мировые умы на протяжении целых столетий. А как смириться с тем, что война – изощренная и изобретенная человеческим разумом травматическая эпидемия – лишает жизни миллионы людей, особенно молодого возраста, или обрекает их на нечеловеческие мучения и увечия.

В оборонительных сражениях войска, отступая, оставляют свою территорию и находясь в постоянном движении, чаще всего не имеют возможности для своевременной эвакуации раненых в тыл. Значительная часть раненых неминуемо остается на поле боя. Возникает вопиющая несправедливость: воины стоят на страже Родины и защищают ее от врага, но в критической обстановке лишаются возможности получить медицинскую помощь и быть эвакуированным в тыл страны. Их ожидает неминуемая гибель. А, наших бойцов тем более, ибо Советский Союз перед войной отказался подписать международную Женевскую конвенцию о гуманном отношении к

пленным и тем более – к раненым в период военных конфликтов. Почему - вопрос риторический, и остается без ответа, а вернее – ответ нелिцеприятный для наших политиков того времени... А, ведь идя на смертный бой с врагом, воины должны быть уверены в том, что в случае ранения их ждет гарантированная и своевременная медицинская помощь на поле боя, достойное лечение в тылу, а если уж пришлось – то и в условиях плена.

Еще выдающийся русский хирург Н.И. Пирогов, принимавший участие в обороне Севастополя в русско-турецкой войне 1854-55 годов, а затем долгие годы трудившийся на Украине, в Виннице, указывал, что все случаи ранений живота с повреждением кишечника или других внутренних органов относятся к категории "отчаянно безнадежных". Консервативное лечение ранений живота обрекает раненого на неизбежную гибель. В положении полевой медицинской службы тех лет было предусмотрено оказание оперативной помощи раненым в живот еще в войсковом районе. Это положение весьма успешно выполнялось в боях на реке Халхин-Гол и войне с белофинами, а также являлось неременным условием оказания медпомощи в годы Великой Отечественной войны. Однако, в условиях невероятно тяжелых оборонительных сражений, которые вели отступающие 5, 6 и 12 армии на юго-западе Украины, между реками Ятрань и Синюха – с центром в районе Подвысокое, где вся территория лесного массива простреливалась вражеской артиллерией, а части, находясь в окружении, готовились с минуты на минуту осуществить прорыв к своим, осуществлять полостные операции (в т.ч. живота) не представлялось возможным. Эвакуировать же таких раненых для срочной операции в ближайшие госпитали также не было возможности – мы были отрезаны от основных частей тыла, где были наши госпитали. Оставалось только одно – всеми способами облегчать страдания таких раненых, ведя борьбу с их обезвоживанием. Выполнение этой задачи поручалось, как правило, легкораненым госпитальной роты, каким и был Щербань, а зачастую – простым воинам стрелковых подразделений в период затишья или выздоравливающим воинам медсанбата.

После получения медицинской помощи, которая порой включала хирургическую обработку ран, иногда с их ушиванием, или смены повязок раненые стремились попасть снова на с трудом удерживаемый нами прежний рубеж обороны – опушку леса в районе "Зеленой браны" (этой героической обороне посвящены страницы документальной повести В.Долматовского "Зеленая браня", Роман-газета, 1983 г., №2).

А, нашему Щербаню в тот день удалось тоже вернуться в строй и выполнить обещание – в ближайшем бою он сумел поразить нескольких врагов, обратив в бегство остальных.

К вечеру выросла интенсивность сражения, все ближе раздавались разрывы вражеских снарядов, нарастал вой мин, четко слышались пулеметные очереди. Число убитых и раненых росло, таяли наши ряды.

Когда в лесу стемнело, фельдшер Сученко принес на спине бледного и часто дышащего вновь раненого теперь уже в ногу Щербаня, у которого вдобавок в результате физического и психического перенапряжения нарушилась герметичность повязки на ране грудной клетки и воздух стал проникать в плевральную полость, сдавливая легкие - первое ранение он получил в грудь и оно оказалось проникающим в плевральную полость. Мне вновь пришлось произвести отсасывание воздуха из плевральной полости и наложить тугую повязку на рану, после чего раненый порозовел и одышка у него прекратилась. Однако, возвращаться на огневую позицию ему было нельзя

и мы его вновь оставили в команде выздоравливающих госпитальной роты в качестве санитаря, где он уже ранее проявил себя толковым помощником...

Поступил приказ готовиться к очередному прорыву из окружения.

Прошло без малого 1,5 месяца с начала войны. На нас обрушился концентрированный удар хорошо подготовленных фашистских полчищ, имеющих боевой опыт ведения современной войны на Европейском театре военных действий. Необходимо было любой ценой задержать продвижение врага в обход Киева и далее, вглубь страны. Нескончаемым потоком шли на Восток эшелоны с оборудованием стратегически важных для Родины заводов и фабрик, с их персоналом и материальными ценностями, запасами сырья, а самое главное – с человеческим ресурсом, так необходимым для будущей Победы. Ведь, как оказалось, важным требованием генерального штаба Германии и его начальника генерал-полковника Ф.Гальдена было то, что "когда мы форсируем Западную Двину и Днепр, речь пойдет не столько о разгроме вражеских сил (Красной Армии), сколько о том, чтобы захватить промышленные районы врага и не дать России возможности использовать гигантскую мощь своей индустрии, неисчислимые людские и материальные резервы, не дать воссоздать вооруженные силы."

С первых дней кровавых оборонительных сражений, часто в окружении, наши воины, в том числе в полосе 5, 6 и 12 армий, наносили врагу огромные потери в живой силе и технике, порой в штыковой схватке отражали атаки фашистов. Гальдер указывал, что "Русские всюду сражаются до последнего...Противник отходит с исключительно упорными боями, цепляясь за каждый рубеж... На отдельных участках экипажи танков запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машиной".

Но вернемся к повествованию. Шла подготовка к осуществлению прорыва из окружения. В ночь с 5-го на 6-е августа 1941 года собранные остатки частей 5-й, 6-й и 12-й армий, в том числе уцелевшие силы 141 сд и входившая в ее состав санитарная служба – врачи, фельдшера, сестры и санитары, а с ними раненые – все, кто мог держать в руках оружие сконцентрировались на опушке лесного массива района Подвысокое.

Дали команду и мы ринулись на прорыв, закипел кровавый бой, появились новые раненые. К полуторке, приспособленной для нужд санитарной службы, подвели врача Николаева Захария Антоновича, с окровавленной головой и открытым переломом левого предплечья. Кости черепа при осмотре оказались целыми. Но угрожающим оказался перелом костей предплечья в непосредственной близости к лучезапястному суставу – с обрывами мышц, кусками материи и грязью в области раны, что угрожало в последующем ампутацией руки. Однако, после тщательного туалета и ревизии состояния раны крупные сосуды и сухожилия оказались целыми, поэтому мы решили сохранить руку и обойтись без ее ампутации.

Вскоре и я был ранен осколком в область левого голеностопного сустава, слава Богу, были повреждены лишь мягкие ткани голени.

Хочется несколько больше сказать о Захарии Николаеве, удивительном человеке, моем коллеге и друге. Сложной, отчасти драматической оказалась судьба этого человека в послевоенные годы. Спустя многие годы после войны ему по жизненным показаниям в клинике сердечной хирургии выдающегося ученого академика Н.М.Амосова профессором К.К. Березовским была выполнена сложная операция на сердце. В миокард были вживлены два электрода, соединенные с батареей, закрепленной под кожей в области

сердца, заряда которой хватило на более, чем последующие 10 лет. Захарий рассказывал, что накануне операции ему никакими усилиями воли невозможно было снять негативный психоэмоциональный фактор, который вновь возник у него при смене батарейки, - ведь при этом человек как-бы "проваливается в бездну", в небытие, теряет сознание, а его сердце "замолкает" и "разбудить" его – не простая задача. Другими словами, потом над человеком висит "Дамоклов меч" – изнашивается сам прибор, возникает необходимость повторной операции для замены изношенной батарейки, а это всегда сопровождается остановкой сердца, пускай и кратковременной. Все же проделанная операция позволила Захарии еще многие годы трудиться врачом.

Думаю, сердце "подвело" Захария в результате многочисленных стрессовых ситуаций, связанных с его профессией, с переживаниями и ранениями в 41-м году, постоянными стрессами во время выполнения заданий подпольной группы в условиях концлагеря в фашистском плену (укрывали в сыпнотифозных, а затем в туберкулезном изоляторах, транспортах раненых, в том числе политработников, комиссаров, евреев, готовя их побегу через связь с гражданским населением и медперсоналом гражданской больницы г.Гайсина, откуда получали перевязочный материал и другие медикаменты).

Я уже писал, что решением Военного совета ночь с 5-го на 6-е августа 41-го стала началом штурма вражеских позиций с целью прорыва окружения. До этого было приказано уничтожить материальные ценности, которые невозможно было взять с собой. Нашей 141 сд под командованием храброго генерал-майора Тонконогова Якова Ивановича предстоял прорыв в направлении Ермиловка – Первомайск.

Кратко остановлюсь на образе удивительного военачальника Красной Армии – Якове Ивановиче. В дивизии он пользовался безграничным авторитетом, его все любили, ему верили, он всегда старался найти выход из самых безвыходных положений и всегда знал, что делать в критических ситуациях. В моменты прорыва он иной раз сам становился за станковый пулемет вместо выбывшего бойца и своим личным примером воодушевлял воинов на прорыв кольца окружения. Так бывало у околлиц селений Христиновка, Монастырище, Перегоновка, Подвысокое. В жизни Якова Ивановича, ветерана партии с 1920 года, много интересного и поучительного. Его высокая принципиальность, мужество могут служить примером для наших молодых воинов, для будущих защитников нашей Родины. Яков Иванович был участником первой мировой и гражданской войн, добровольцем интернациональной бригады воевал в Испании, командовал 141 сд в период войны с белофинами, принимал участие в освобождении Северной Буковины и Бессарабии. За все это время проявился незаурядный талант генерала, что отмечали многие командиры в нашей дивизии. Наряду с огромным трудолюбием, выносливостью, высокой требовательностью к себе и подчиненным, умением находить недостатки в учебе и боевой подготовке, он всегда был чутким и добрым человеком. Кроме командирских обязанностей, находил возможность постоянно держать в поле зрения два объекта – пищеблок и всю санитарную службу.

Запомнился случай хищения продуктов из кухни медсанбата по халатности шеф-повара. Виновных судили, наказали и шеф-повара, убрав его из медсанбата, из-за чего пищеблок лишился талантливого специалиста по приготовлению первых блюд, особенно борща – ведь повар Миша считался чудесником в приготовлении обедов. Каждый, кто хотя бы раз попробовал вкус

борща, приготовленного Мишей, не мог отказаться в последующем от такого обеда, даже если был уже сыт. Заменить второе блюдо второй порцией борща считалось удачей. И вот не стало Миши. Все в медсанбате приуныли, а хлопоты командира медсанбата поправить дело оказались безуспешными. Об этом узнал комдив. Прошло еще немного времени и свершилось чудо – генерал вернул Мишу на прежнюю работу, правда, с понижением в должности – простым поваром.

Яков Иванович сам, иногда вместе с бригадным комиссаром Куцевским регулярно посещал санитарную службу, они опрашивали врачей и других медиков, больных, а затем и раненых, выявляли и требовали незамедлительного устранения погрешностей и недостатков в работе.

Однажды, после одного из жестоких оборонительных боев в районе Христиновки возникла нехватка перевязочного материала. Попытка санитарной службы найти выход из трудного положения своими силами оказалась безуспешной, но благодаря незамедлительному вмешательству генерала Тонконогова было найдено достаточное количество материала для перевязок и других остро необходимых медикаментов.

Особое внимание уделял генерал своевременной отправке тяжелораненых в тыл, пока мы не были окружены, строго контролируя ход их эвакуации. Мне, как командиру госпитальной роты, ответственному за эвакуацию тяжелораненых после оказания им срочной медицинской помощи, необходимо было помимо лечебной работы, постоянно знать количество раненых, своевременно отправляемых в тыл. Такие сведения постоянно требовали у меня генерал и его заместитель - бригадный комиссар.

Запомнились также события вблизи селения Перегоновка. На небольшой возвышенности, по приказу генерала Тонконогова, мы заняли оборону. Медсанбат расположился в лесу, в непосредственной близости от переднего края обороны. На окопавшись на опушке леса наших бойцов шли цепи немецких автоматчиков, но на меня произвело незабываемое впечатление то, что они шли в полный рост, с автоматами наперевес, непрерывно стреляя, точно, как белогвардейцы в фильме "Чапаев". Обороняющиеся подпустили врага вплотную и по приказу генерала открыли огонь из станковых пулеметов и стрелкового оружия.

Контратака наших бойцов оказалась успешной и в прорыв устремились все силы, круша скопление вражеских машин и другой техники, уничтожая живую силу противника.

Мы отступали все дальше от границы, прорывая одно кольцо окружения, снова попадая в следующее.

Забегая вперед, хочу отметить, что при прорыве окружения в направлении Первомайска Яков Иванович был ранен и контужен, потерял сознание и попал в плен. Почти 4 года он был узником концлагерей строгого режима на западе Германии, познал каторжный труд на гранитных каменоломнях, где в деревянных колодках вместо обуви, в любую погоду, на постоянных сквозняках, с молотом или киркой в руках, под строжайшим контролем озверелой охраны, необходимо было изо дня в день выполнять норму выработки. Люди изнемогали не только от рабского изнурительного труда, морального угнетения, но и от хронического голодания. Поначалу нам лишь однократно в сутки давалась "баланда" в виде 500,0 вареной смеси молотой макухи с брюквой и другими малосъедобными суррогатами да вдобавок 200 грамм хлеба, изготовленного из смеси мучных отходов с древесными опилками

– таков был суточный рацион питания узников. Периодически проводимую так называемую санитарную обработку пленных превращали в изощренную пытку. Душевая установка в бане монтировалась в потолке. Регулирование температуры воды осуществлялось из другого помещения. С удивительной точностью температура воды менялась от нестерпимо горячей до ледяной. С подачей кипятка люди инстинктивно бросались к более холодным стенкам, но это было предусмотрено ”архитекторами”. В разных точках потолка температуру воды можно было менять по усмотрению надзирателей. Постоянно попеременное изменение температуры в разных участках потолка инстинктивно заставляло людей бросаться в разные стороны с надеждой найти укромное место. Пытка такой ”санитарной обработкой” приводила не только к физическим, но и к психическим страданиям.

По воспоминаниям Я.И.Тонконогова, голод, холод, каторжный труд и издевательства при строительстве разных объектов являлись основными способами истребления пленных. Зимой и летом, независимо от погоды, с утра до позднего вечера работали узники в каменоломнях. Часто надсмотрщиками (”капо”) были так называемые ”свои” – предатели и изменники, которые особенно изощрялись в пытках, да порой так, что даже немцы удивлялись их изуверству. Именно от рук таких негодяев погибали многие. По свидетельству Я.Тонконогова, только в одном концлагере особо строгого режима Флоссенбург было уничтожено, в том числе сожжено в крематории 87 тысяч человек. И это при том, что сам лагерь был рассчитан на 10 тысяч человек.

В материалах ”Нюрнбергского процесса” (М., 1966 г., т.3, с.456-458) указывается: ”Флоссенбургский концентрационный лагерь может быть более точно определен как фабрика смерти... Голод, садизм, плохая одежда, отсутствие медицинской помощи, болезни, избиения, виселицы, замораживания, повешивания за руки и т.п. – все это играло огромную роль в достижении цели мучителей. Заключенных убивали без разбора, преднамеренные убийства евреев были обычным явлением, впрыскивание яда, расстрелы в затылок происходили ежедневно... Убийства стали обычным делом, настолько обычным, что быстрая смерть считалась желательной для несчастных... Повешивание за руки или за запястья с тяжелым бочонком, привязанным подмышками рук, являлось еще одним видом казни, которая приводила к разрыву мышц и внутренних органов, вызывая медленную смерть... На рождество 1944 г. одновременно было повешено много пленных, а остальных заставляли смотреть эту процедуру... Это было ужасное зрелище – сочетание висящих на виселице и сверкающей рождественской елки”.

Узники были обречены не только на каторжный труд и голодную смерть, их использовали и как подопытных. Яков Иванович рассказывал, что палачи испытывали людей на выживаемость в экстремальных условиях голодания, физических нагрузок, холода и жары, при разных ранениях и при заражении разными инфекциями. Испытывались разные медикаменты, облегчающие или ухудшающие течение болезни. Палачи в белых халатах организовывали в лагерях вивариумы, проводя параллельные опыты на животных и людях.

В этих же материалах, на странице 499 второго тома упоминается о газовых камерах: ”После того, как людей раздевали, на них надевали халаты и отводили в подвальное помещение через коридор в оборудованную воздухонепроницаемыми дверями газовую камеру, которая производила впечатление душевой, которая была высотой 2,5 метра и размерами примерно 4 х 3 метра. Установки газовой аппаратуры были отгорожены от остального

помещения стеной или дощатой перегородкой так, что входившие ничего подозрительного не замечали. После включения газ шел из баллонов по трубам через душевые отверстия; его действие приводило к немедленной смерти. Затем трупы вытаскивались, укладывались на тележки и отвозились в камеру сжигания (крематорий)''.

На Якове Ивановиче также испытывали возможность выживания в экстремальных условиях. Ему замораживали левую ногу в связи с развивающейся гангреной после неудачной операции по вскрытию карбункула (нарыва) бедра. Яков Иванович рассказывал, что его левую половину тела с самого детства преследовали неудачи. В четырехлетнем возрасте он перенес спастический паралич левой ноги, излечение которого наступило лишь после длительного и упорного применения различных методов: горячих водных процедур, настоя из муравьев, массажа и настойчивых физических упражнений. В годы гражданской войны он был тяжело ранен в область левого тазобедренного сустава. Рана долго гноилась, грозила ампутация ноги и только применение народных средств, в том числе машинного отработанного масла для компрессов, а также длительная фиксация конечности и последующая ее разработка массажем и физическими упражнениями помогли достичь излечения.

При таких невероятно трудных зигзагах судьбы Тонконогову Якову Ивановичу в 1941 г. одному из первых в Красной Армии было присвоено звание генерал-майора.

В последние послевоенные годы Яков Иванович с женой Евгенией Тимофеевной стали проживать в Киеве. Годы, бытовые неурядицы, трудная жизнь, насыщенная стрессовыми ситуациями, почти четырехлетний каторжный труд в условиях голода и холода в концлагерях фашистской Германии оставили неизгладимый след на его внешности. И без того ниже среднего роста, теперь уже сгорбленный и худой, с глубоко запавшими серыми с голубизной прищуренными добрыми глазами, он очень мучился последние годы из-за кашля и одышки. С каждым годом ухудшалось зрение и на экране телевизора он теперь только с близкого расстояния улавливал образы. Но вместе с тем память и критическое мышление были отличными. Он достаточно хорошо ориентировался в современной внутренней и международной обстановке, справедливо и принципиально давал оценку событиям. Неоценимую помощь ему оказывала жена, Евгения Тимофеевна, которая ежедневно читала ему книги, журналы и газеты, затем вместе они обсуждали прочитанное.

Жаль, что по состоянию здоровья он уже не мог быть активным наставником молодежи, однако, вел переписку со школьниками-следопытами Подвысокого и Перегоновки, к нему приезжали делегации школьников из Хмельницкой области. Следопытам из архивов удалось установить, что Яков Иванович еще в канун Великой Отечественной войны руководил строительством оборонительных сооружений в районе Каменец-Подольска.

...Еще за несколько дней до попытки прорыва из окружения я уже знал, что мы окружены, поэтому эвакуировать раненых было некуда. Но к этому времени мы смогли все же основную часть раненых эвакуировать в полевой госпиталь, расположенный в Подвысокое.

Командование поставило основной целью прорыва форсирование рек Ятрань и Синюха, которые к тому времени оказались под огневым контролем фашистов. Прошел слух о том, что в указанном направлении к нам пробиваются части 18 армии. Весь личный состав 141 сд во главе с Тонконовым, а вместе с

ним наш медсанбат с небольшим количеством оставшихся легкораненых, которые еще могли держать оружие, пошли на прорыв. Ослабленных транспортировали на повозках, а наша единственная полуторка еще раньше повезла в госпиталь последнюю партию раненых.

На подходе к реке Синюха усилился минометный обстрел, появились новые раненые. Моста не было, а перевозить раненых на имеющемся транспорте через реку не было возможности. Последовала команда – направить повозки с ранеными вверх по течению реки, где можна было форсировать ее вброд, а сопровождать их поручили медсестре Ларисе.

Лариса оказалась очень энергичной, подвижной молодой женщиной. Ее муж, старший политрук, до армии комсомольский работник, служил в арtpолку нашей дивизии. Они поженились буквально накануне войны. В оборонительных боях он был ранен в мягкие ткани правого бедра, ближе к ягодице и по ходу седалищного нерва, а также в правую голень и теперь передвигался с трудом, но все же самостоятельно. Рваная рана на бедре заживала плохо, его беспокоили постоянные боли, он не мог сидеть по-человечески, присаживаясь лишь на край одной ягодицы, принимая вынужденное положение. Теперь он оказался на одной из наших повозок, вместе с другими ранеными и его отправляли вместе с Ларисой, чему они оба были безконечно рады.

Одна за другой по проселочной дороге двинулись мимо нас повозки с ранеными. Кто-то проявил инициативу и на переднюю повозку прикрепил краснокрестовский флажок. Нас же с оставшимися основными силами дивизии ждала переправа под огнем противника. Была первая половина дня, стояла теплая и ясная погода, слегка потягивал свежий влажный ветерок. Редкие порывы ветра покачивали ветви растущего на берегу Синюхи кустарника. Мы удивились, когда перед нами вдруг появился теленок и его хозяйка – молодая женщина. Удивились и обрадовались – нам необходимо было уточнить направление на Первомайск, узнать о передвижениях противника. В этот миг, буквально рядом раздалась выстрелы, послышался вой вражеских мин и разрывы снарядов.

Все кинулись к реке, стремясь быстро переправиться на другой берег, где казалось, ждет спасение. Появились новые раненые и я чувствовал свою ответственность – надо было как-то организовать оказание медицинской помощи. Но, увы – как и чем?! У меня не осталось не только перевязочного материала, но и вообще какого-либо белья, которое можно было бы использовать вместо повязок. В левом кармане гимнастерки, как неприкосновенный личный запас остался лишь один стерильный пакет и эластичный резиновый жгут.

И тут я буквально не поверил своим глазам. Следом за нами отступала небольшая группа бойцов, среди которых оказался фельдшер Ваня Хохлин, затерявшийся при прорыве первого вражеского окружения в районе лесной чащи Подвысокого. В обстановке грозящей смертельной опасности, когда с минуты на минуту можно было ждать худшего – мы обнялись как самые близкие, обрадовавшись неожиданной встрече. У Вани оказалась медицинская сумка, содержащая не только перевязочный материал, но и другие медикаменты, а также некоторые инструменты для оказания медицинской помощи. Без этого я не смог бы справиться с оказанием помощи очередному раненому, у которого оказался открытый перелом нижней трети левого плеча и который был в шоковом состоянии. Ему, не теряя времени, остановили

кровотечение, обработали рану и наложили стерильную повязку и он с товарищами направился к реке для переправы.

Тем временем обстрел уменьшился, а вскоре совсем прекратился. Но с усилением темпа переправы вновь начался минометный обстрел и буквально тут же к нам подвели красноармейца с повреждением правого плеча, у которого оказалось кроме рваной раны мягких тканей и обильного кровотечения еще и перелом кости. При осмотре, к счастью, смещение отломков было не существенным, хорошо определялся пульс на запястье и после санации раны на нее была наложена тугая повязка с иммобилизацией конечности. А вот решить вопрос о дальнейшей судьбе раненого было сложно – ведь форсировать реку сам он не мог, хотя раньше, по его словам он не плохо плавал. Я предложил ему догонять обоз с ранеными, ведь воевать он уже не мог. Но ни я, ни он сам не представляли, как ему это сделать. Ведь прошло уже некоторое время с момента отправки обоза. Поэтому я предложил ему вариант – зайти в ближайшее селение, где рассчитывать на милосердие населения. Боец внешне обрадовался моему предложению и вскоре исчез с поля зрения.

...И вот теперь, после следовавших друг за другом непрерывных кровопролитных полуторамесячных боев от многотысячной 141 сд осталось в строю всего несколько сотен человек, многие из которых были ранены. Не только днем, но и ночью, при освещении фонарями необходимо было оказывать помощь непрерывно поступающим раненым. В обычной обстановке мы постоянно ощущали, что нас готовы в любую минуту защитить от врага, давая возможность заниматься выполнением своих прямых медицинских обязанностей. Сейчас же мы лишались этой защиты, а нет более трагического положения, когда нет силы, способной тебя защитить и ты сам на сам не только с раненым, но и с врагом.

Подумалось – Война! Какое это чудовищное преступление перед человечеством. Тысячи и тысячи преимущественно молодых людей в тяжелых муках погибают, нередко без элементарной медицинской помощи. Где они, эти мыслящие вожди-политики, от которых зависели судьбы мира, почему они позволили развязать такой силы военный конфликт...

...Огненное кольцо вокруг нас сжималось, мы были уже под постоянным минометным обстрелом и выход оставался только один – быстрее форсировать реку. Дошла очередь и до нас, мы все по команде бросились в воду в полном обмундировании и сапогах, - о том, чтобы успеть снять хотя бы их не могло быть и речи – каждая секунда была на счету, речь шла о жизни и смерти каждого из нас. Река была не очень широкой и я был уверен, что переплыву ее, но сапоги упорно тянули меня ко дну. Моими спасителями оказались рядом плывущие Щербань и Хохлин, которые помогли мне выплыть, не утонув. Едва успев вылить воду из сапог, мы кинулись быстро уходить в молодой лес, растущий вблизи реки.

К нашему счастью, в направлении от реки Синюхи по проселочной дороге к опушке леса двигалось несколько грузовиков с остатками отступающих частей. Нас увидели и когда две машины притормозили, мы посадили на них своих раненых. Я, врач Герасимович П.Г., фельдшер Хохлин и Володя Сученко успели заскочить в кузов одной из машин, подсаживая друг друга. Теперь мы радовались, считая, что все позади и мы вырвались из окружения к своим.

Увы! Через некоторое время мы увидели, что вдоль нашей дороги, параллельно нам, но на небольшом расстоянии, постепенно сближаясь с нами, двигалась нескончаемым потоком колона машин с фашистами. Развернуть наш

поток машин обратно или в сторону от врага было уже поздно и мы стремительно приближались к перекрестку с желанием преодолеть его первыми и скрыться от немцев, которые увидев нашу гонку, стали разворачиваться. Мы же тем временем выехали на перекресток и помчались уже по шоссе в направлении Ермеловского леса. Затишье оказалось кратковременным, нам удалось проехать спокойно лишь несколько километров. Снова последовал массированный обстрел наших машин из минометов. Едва я успел выскочить из кузова машины, как в тоже мгновение она загорелась. Я кинулся в сторону спасительного, как казалось, леса и вдруг оказался один. А в лесу вскоре начало темнеть, я никого вокруг не видел и потерял ориентировку. А главное, я потерял друзей. Не допуская мысли о том, что все погибли, я пошел вглубь леса и по счастливой случайности повстречал лейтенанта, у которого оказался компас и мы решили двигаться с сторону Первомайска.

Наступила ясная, безоблачная и лунная ночь. Мы подошли к опушке леса, на которой виднелось множество следов недавних сражений: развороченные окопы, воронки от разрывов снарядов, разбросанные гильзы разных калибров, кровавые обрывки форменной одежды. Сразу за лесом просматривалось поле истоптаной пшеницы. Мы не решились выйти на поле и вновь углубились в лес.

На рассвете нам повстречался боец с винтовкой, как оказалось часовой, который, к нашему удивлению и счастью, привел нас в расположение остатков нашей части. Моей радости не было предела, когда я увидел своего давнего друга П.Г.Герасимовича, а рядом с ним Володю Сученко и Ваню Хохлина. Оказалось, они тоже успели спрыгнуть из кузова машины перед тем как ее подожгли и быстро скрыться в лесу на противоположной от меня стороне дороги.

7-го августа 1941 г. остатки нашей дивизии из нескольких десятков человек вышли из леса. Я удивлялся своей выносливости. Ведь больше двух суток ничего не ел и почти непрерывно, днем и ночью оказывал посильную медицинскую помощь раненым. Нервное напряжение было на пределе, но возможно, это способствовало сохранению относительной работоспособности. Сейчас же я двигался по протоптаной тропинке через густую колосящуюся рожь. Справа от меня, на некотором расстоянии, шел немолодой уже командир группы с наганом, на петлицах которого было, как и у меня, две шпалы. Рядом с ним шли бойцы, у которых кроме винтовок со штыками и гранат был станковый пулемет. Командир предупредил меня об опасности идти протоптанной дорожкой, - фашисты появились в нашем тылу, выйдя из того же леса, из которого вышли мы, открыли огонь нам в спину и от каждого их выстрела падали по 2-3 человека. Такая же участь могла постигнуть и меня, поэтому я и идущие впереди бойцы начали петлять. Через некоторое время случилось новая непредвиденность. С левого фланга появились немецкие танки, а спереди атаковала пехота, поливая нас огнем автоматов и пулеметов, в дополнение обстреливая минометами, а с левого – атаковала венгерская конница с саблями наголо.

Обстановка складывалась критическая и как бы не храбрился любой человек, в критической обстановке он всегда испытывает перед опасностью разной степени выраженности чувство страха, ибо страх – врожденное свойство организма, как самозащита от надвигающейся опасности. Если и есть люди, обладающие высоко развитыми регуляторными свойствами нервной системы и не испытывающие стрессовых состояний при надвигающейся опасности, то их очень мало.

Все приближающийся грохот разрывов снарядов, своеобразный вой мин, от которых спрятаться было невозможно, оказывали парализующее воздействие на бойцов. Эффективность поражения живой силы становилась все более заметной. Отступить нам было некуда – огненное кольцо вокруг стало критическим. Последовала команда отступить назад, в направлении опушки леса, но эта попытка оказалась безуспешной - от леса мы были отрезаны проселочной довольно широкой дорогой, которая простреливалась минометами и те смельчаки, которые решались ее пересечь, гибли под ураганным огнем противника.

Остатки дивизии заняли оборону на поле семенной свеклы, высота которой была достаточной для укрытия и передвижений. Жестокий бой длился недолго, я не видел ни одного нашего, который бы вышел к немцам с поднятыми вверх руками. Расчет нашего пулемета вскоре вышел из строя, погибнув. К пулемету устремился мой знакомый командир, но смог вести огонь не более пяти минут, так как тоже был убит. В тоже мгновение меня ранило осколком в среднюю треть правого бедра. Судьба пощадила меня и на этот раз. Ранение оказалось не угрожающим, были повреждены только поверхностные мышцы бедра, однако, кровотечение было сильным и давящая повязка сразу пропиталась кровью. Находящиеся рядом фельдшер Володя Сученко и врач Герасимович успели наложить мне не туго жгут и кровотечение прекратилось. Понимая, что наше сопротивление истощается, а мои силы гаснут с каждой минутой, я достал из гимнастерки партбилет и вместе с наганом успел зарыть их в землю, рядом с каким-то кустом. Головокружение нарастало и я стал проваливаться в бездну, уже не запомнив, как потерял сознание.

Глава 2. ПЛЕН.

Очнулся я на обочине грунтовой, но широкой проселочной дороги. Возле меня хлопотали Герасимович и Сученко, а рядом сидели еще десятка два-три безоружных красноармейцев. В метрах десяти от нас стоял немецкий солдат с автоматом, а по дороге проезжали машины с громко хохочущими немецкими солдатами, которые указывали на нас пальцами.

На противоположной от нас стороне дороги немцы прочесывали плантацию свеклы и оттуда периодически раздавались автоматные очереди - добивали тяжелораненых, которые не могли самостоятельно передвигаться.

Была вторая половина ясного солнечного дня. Внезапно с запада стала надвигаться черная туча, на фоне которой отчетливо сверкали молнии и глухо доносились раскаты грома. Стало душно. Ныло раненое бедро в области давящей повязки и жгута, который я тут же снял. Кровотечение не возобновлялось, я попылся подняться на ноги и сделать пару шагов, с радостью ощущая, что смогу самостоятельно двигаться.

Немцы вскоре закончили прочесывание поля и расправу с тяжелоранеными, собравшись группой недалеко от нас. Та жестокость, с которой они расправились с тяжелоранеными, ничего хорошего нам не сулила. Несколько из них подошли ко мне и Герасимовичу, показывая пальцами на шпалы и змейки в петлицах и выкрикивая ''арцт'', что означало врач. В ответ мы согласно кивнули, возможно, этим поубавив их степень жестокости по отношению к нам. Вскоре последовала команда – встать и построиться, а затем двигаться по проселочной дороге в указанном направлении, на Запад. Впереди

нашей пешей колонны двигалось несколько повозок и мне позволили держаться за одну из них.

Прошло более двух суток, как я ничего не ел, но и желания, а тем более аппетита у меня не было, я все еще пребывал в состоянии стресса. Лишь страшно хотелось пить, во рту было сухо, язык стал отечным и шершавым, болели десна. Я догадывался, что это в значительной степени обусловлено кровопотерей после ранения. Но силы не покидали меня, повязка на бедре оставалась сухой, ощущалась лишь небольшая ноющая боль по внутренней поверхности верхней трети правого бедра. Опасался я лишь последующего возможного нагноения раны, но радовало, что со мной мои друзья – сослуживцы по медсанбату, которые могут в любую минуту прийти на помощь и которые могли рассчитывать на взаимность.

Дорога пошла вниз. Справа колосилась добротная озимая пшеница, слева зеленело безкрайнее поле сахарной свеклы. Подводы остановились, мне с моими товарищами позволили отойти чуть в сторону и присесть у дороги. Впереди в нескольких метрах от нас виднелась небольшая речушка, через которую был переброшен деревянный мост. Ездовые разпрягли лошадей для водопоя, а конвойные разрешили и нам попить речную воду. Мне так хотелось пить, что я потерял меру в питье – Володя Сученко силой оторвал меня от речки. Буквально сразу мой живот вздулся, по ходу кишечника возникли схваткообразные боли и я сообразил, что совершил непростительную ошибку, напившись загрязненной воды. Нажатием 2-го и 3-го пальцев руки на корень языка я вызвал у себя обильную рвоту и сразу же наступило облегчение.

Вскоре последовала команда продолжать марш, через некоторое время изнурительной ходьбы мы поднялись на бугор и увидели невдалеке большое селение, расположенное на холмистой местности – Голованевск. На его окраине виднелся скотный двор, где уже разместились большая группа пленных, некоторые из которых примостились отдыхать – кто сидя, а кто лежа. Двор размещался на небольшой возвышенности, рядом с которым было вырыто небольшое искусственное озеро, где, по-видимому, до войны разводили рыбу. Вся эта территория была обвита колючей проволокой, вокруг которой лениво прохаживались охранники в венгерской форме. Через узкие ворота, обвитые колючей проволокой, нас водворили на территорию лагеря. Бережок озера был очень грязным и истоптанным следами скота, хотя самих животных не было видно. Последовала команда привести в порядок территорию вокруг озера, для чего нам выдали несколько лопат и грабли. Я взял одну из лопат, но мои товарищи работать мне запретили, отобрав ее и отодвинув меня подальше вглубь двора, велели отдыхать.

Каждый из нас чувствовал предельную усталость. Я, лишь присев, окунувшись в дремоту и тут же уснул, а проснулся в темноте от ноющей боли в раненом бедре, которая временами пульсирующе усиливалась. Рядом дремал Петя Герасимович, который от моих стонов тоже проснулся и осмотрев мою ногу, успокоил меня, сказав, что никакого воспалительного инфильтрата в области раны нет. Утром следующего дня мне удивительно повезло – Петр Герасимович нашел где-то немного отработанного машинного масла, с которым сделал мне повязку. Боль вскоре прекратилась и я был безгранично благодарен Пете за дорогую находку.

Все это время нас держали под открытым небом, не кормили, а лишь трижды в день, как стадо, водили на водопой. Пленные, захлебываясь, пили из грязного озера, кто как мог – пилотками, найденными пустыми консервными

банками, просто руками. Ежедневно, с немецкой пунктуальностью, в утренние часы осуществлялись казни, чаще молодых красноармейцев, которых отводили несколько в сторону от скотного двора-лагеря. Жертв окружали автоматчики, затем строем вели к месту казни и выстраивая в одну линию, поворачивали лицом к себе, а затем расстреливали. Одни падали сразу, другие пытались еще какое-то время держаться на ногах, но их ждала неминуемая расправа, - всех достреливал офицер, проводивший казни. Ежедневно, с утра до позднего вечера, проводились изощренные издевательства над нами. То нас совершенно бессмысленно переганяли с одного места на другое, то выстраивали и постоянно кого-то выискивали. Нередко такие экзекуции проводились и ночью. За малейшую медлительность следовало жестокое избивание резиновыми палками.

За две-три недели от жизнерадостных, энергичных, здоровых молодых людей остались высохшие скелеты с запавшими глазами, едва передвигающиеся по лагерю. Особой жестокостью отличалась полевая жандармерия, которую мы узнавали по имеющимся у них на груди серых металлических щитках с черной свастикой в центре, - их зверства не имели предела. Все это время тщательно выискивали среди нас комиссаров и других политработников, коммунистов, а особенно – евреев. Надо отдать должное, - в этом лагере не было случая, чтобы кто-то из пленных предал своего.

Однажды через калитку в лагерь завели пленного 25-30 лет, который был выше среднего роста, рыжеволосым и без головного убора, в солдатской шинели. За ним следовал венгр из полевой жандармерии в пилотке, на сгибе которой выблискивал белый знак с черным очертанием оголенного черепа, чей сам вид действовал устрашающе. Пленным последовала команда построиться в шеренгу и вдоль нас стали прохаживаться двое – пленный и жандарм, которые внимательно всматривались в лица военнопленных. Все предполагали, что кто-то ищут, но первый просмотр результата не дал и жандарм с возмущением что-то выговаривал рядом стоящему с ним пленнику, после чего пленный попросил повторить просмотр. В ответ последовало несколько хлестких ударов по лицу пленного. Я не заметил самого ответного удара, но все ахнули, увидев жандарма, распластанного на земле с искаженным от боли лицом.

Странно было слышать, но поднялся невероятный хохот среди венгерских солдат-охранников. Увы, судьба воина-боксера была предрешена, - я без всяких оговорок назвал его героем, он до сих пор стоит перед моими глазами, с гордо понятой головой. Тут же прибежали еще два жандарма, которые увели нашего героя в неизвестность...

Трудно представить, насколько варварскими и жестокими были расправы над нашими людьми. Многие завидовали погибшим в бою или расстрелянным. Вот когда мы осознали, что лучше гибель в бою, но на воле, чем безправие и рабство в плену. На третий или четвертый день так называемой водной диеты к лагерю приблудила раненая лошадь. Ее пристрелили, кое-как разделали, сварили кусками мясо и частью в виде юшки со маленькими кусками мяса стали "раздавать" пленным. Но, во что было набирать еду?! Мы не имели никакой посуды. Мало у кого сохранились котелки и фляги, кто-то нашел пустые консервные банки или черепки посуды, некоторые додумались использовать пилотки. У большинства же не было ни того, ни другого и они снимали с себя гимнастерки или рубашки, делая в них углубления, куда вливалась порция "бульона" и выдавался кусок конины.

На 5-й день нашего пребывания в лагере (а было нас в нем уже около пятисот человек) нас построили в колонну по четыре и направили из Голованевска в направлении Гайсина, где по слухам уже был оборудован более "совершенный" концлагерь. Переводчик предупредил, что в пути следования не должно быть отстающих, ибо таких будут просто расстреливать без суда и следствия, на месте.

В первых рядах колонны выстроили командный состав, за ними были построены медики, за которыми выстраивались все остальные. К Гайсину шли мы два дня с ночевкой возле какого-то села, в небольшом кустарнике. Трудно описать картину передвижения несчастных, обессиленных многодневным недоеданием людей, многие из которых падали, уже не в состоянии подняться. Их пристреливали на ходу, даже не останавливаясь. Никогда не забуду, как женщины с детьми на руках у одного из селений, несмотря на запрет и угрозу расстрела, встречали нашу колонну и на обочине дороги оставляли куски хлеба, бутылки с молоком, печеную картошку, кашу в мисках или горшочках и прочую еду. Идущие по краям колонны, старались подобрать еду и поделиться ею с товарищами, - не было такого, чтобы тот, кому достались продукты, не делился ими. Бутылки переходили из рук в руки, хлеб ломали на куски, картофель раздавали. Горшки или миски с кашей передавали по колонне, каждый брал свою долю руками. Изредка попадалось национальное лакомство украинцев и молдован из кукурузной муки – мамалыга. Вкус такого блюда просто сказочный, когда его подают с салом, творогом или приправами.

Нас, идущих в колонне, удивляло, с какой невероятной быстротой население не только узнавало о том, что движется колонна изможденных пленных, но в сжатые сроки успевало приготовить для нас продукты. Щедрость и самоотверженность отважных женщин укрепляла нас не только физически, но и морально. Известно, что огромное значение имеет своевременная моральная поддержка человека в трудные периоды его жизни. Женщины, провожающие нас взглядом со слезами на глазах, подчас долго шагали с нами рядом, воодушевляя нас.

На второй день пути утром навстречу нам повстречалась колонна немцев. Последовала команда свернуть с дороги и остановиться. Поравнявшись с нами, идущая во главе немцев легковая машина остановилась, из нее вышел офицер СС с множеством наград и со свастикой на рукаве. Нашей поредевшей колонне была дана команда построиться в один ряд и рассчитаться по 10 человек. Я всю свою оставшуюся жизнь буду помнить свой номер 7. Каждому десятому надлежало выйти вперед на 10 шагов. Затем десятые номера отвели в сторону и построили в один ряд, а из грузовика выскочило несколько солдат, которые быстро выстроились, вскинули автоматы и по команде главного мигом расстреляли обреченных. Мы все были просто потрясены. По рядам прошел гул протеста, который дорого обошелся оставшимся живым. Началось массовое избиение, били с все возрастающим ожесточением прикладами и чем попало. Каждый из немцев стремился нанести удар по голове и единственной защитой от ударов были руки. Каждый новый удар вызывал нестерпимую боль. Как оказалось, это была месть офицера СС за гибель на восточном фронте его сына. Непрерывные стоны после избиения, множество валяющихся вдоль дороги трупов наших воинов – такой след оставили фашисты по дороге из Голованевска в Гайсин. Но этого фашистам оказалось мало. За околицей очередного селения, которое мы миновали дорогой на Гайсин прозвучала команда расположиться на привал, где рядом рос небольшой кустарник. После

пятиминутного привала нам скомандывали сгруппироваться по национальным признакам и я не знал, как мне поступить. По документам я украинец, крестили меня в костеле и моя фамилия, имя и отчество польские. Я встревожился, колебаясь, как мне поступить, потому что уже знал, немцы за малейший обман расстреливали без всякого колебания. Все же я решил стать в строй к украинцам. После этого разыгралась изощренная по своей свирепости трагедия. Группу евреев отослали в кустарник для заготовки палок, затем ее разделили на две подгруппы, вооружив каждого самодельно заготовленной деревянной дубинкой-палицей. Вслед за этим последовал приказ одной подгруппе накинуться на другую, а второй защищаться. Кто делал попытку смягчить удар – жестоко наказывался громко хохотавшими охранниками. Взаимное избиение прекратилось тогда, когда большинство несчастных с окровавленными головами и в изнеможении свалилась на землю, чтобы уже никогда не подняться – их, у кого были еще признаки жизни, в упор расстреляли. Уцелевших, кто был на ногах, вернули в колонну.

Изошренность неслыханной по жестокости расправы произвела на нас оцепеняющее впечатление. Мы думали, что настала наша очередь. Только было не ясно, кто следующий. Нас все же пока не тронули, однако, внутренняя тревога не угасала. Невероятные испытания в течение всего дня ничего хорошего не предвещали. Ко мне подошел рыдающий и весь избитый, с кровоподтеками на лице, молодой юноша с прижатой к груди левой рукой, которую поддерживал другой рукой. Он был не в силах объяснить, что хочет, бледное лицо его дергалось от боли, а нижнюю челюсть сводило судорогой. Сильно заикаясь, он пытался что-то объяснить, но было невозможно разобрать его слова. Но и без того было ясно, что у него травмирована левая рука. Разорвав гимнастерку, я освободил поврежденное плечо и всю руку. Подключичная ямка выбухла и подозрительно пульсировала под синюшной кожей, что говорило о большом подкожном кровоизлиянии. При ощупывании удалось определить, что головка плечевой кости выбита из суставной впадины, что говорило о вывихе плеча. Я помнил способ вправления вывиха плеча по Ю.Ю. Джанелидзе. Но вокруг не было ни стола, ни чего-то подобного для укладывания пострадавшего на сторону вывихнутой конечности так, чтобы она свисала книзу, - в таком положении рука иногда расслабляется и легко вправляется. Но где найти стол?! И снова проявил находчивость Володя Сученко, который обладал необычайной находчивостью и изобретательностью. Он подсказал реальную возможность выйти из затруднительного положения – рядом с нами была вырыта довольно глубокая траншея, крутые скаты которой могли послужить нам "краем стола". С помощью Володи я положил травмированного на край траншеи и через несколько минут добился успеха – вправил вывих.

Тем временем надвигалась ночь, а вместе с ней – новое испытание. Небо покрылось грозowymi тучами, засверкали молнии. Всех охватил страх в ожидании дождя, ибо над нами не было никаких навесов и тем более плащ-палаток, а шинели давно были брошены или утеряны. Мы, оставаясь под открытым небом, решили греться группами, прижавшись друг к другу спинами, некоторые же двигались, чтобы согреться, или присели, найдя относительно укромное место.

На рассвете мы услышали нарастающий гул женских голосов, а затем увидели толпу преимущественно пожилых женщин, которая приближалась к нашему расположению. Охранники остановили их совсем близко от нас,

старшая из женщин подошла к старшему и стала что-то объяснять, одновременно показывая на принесенные узлы и корзины. Старший охраны разрешил женщинам разложить продукты на землю в два ряда. Нас построили и в порядке очереди начали раздачу продуктов примерно каждому поровну, даже не проверяя их. Все это после вчерашнего побоища казалось нам настолько неожиданным, настолько сказочным сном, что мы опешили. За одну ночь организовать сбор продуктов и главное – решиться принести их сюда, не побоявшись вражеских автоматов и свирепости фашистов, было настоящим героизмом. Ведь можно было ожидать самой неожиданной реакции оккупантов, вплоть до открытия огня по мирным жителям. Но отважные женщины пришли, чтобы хоть немного облегчить страдания раздетых, голодных, попавших в беду людей. В те суровые дни тяжелых испытаний именно они – женщины – не щадили жизни, проявляя героизм и самопожертвование, спасали нас от неминуемой голодной смерти...

В этот день мы прошли около 30 километров и вновь, уже ближе к вечеру, из-за возвышенности, со стороны очередной деревни, появилась еще одна группа женщин. Мы обратили внимание на то, что присутствие женщин заметно охладило конвой, оказало на него сдерживающее воздействие в проявлении жестокости к нам. Однако, в этот раз часть конвойных преградила путь женщинам, не позволив им подойти в нам вплотную, для пущей важности сделав вверх несколько предупредительных выстрелов. Толпа остановилась и вновь начались переговоры женщин с начальником конвоя, после чего было позволено на поляне разложить съестное в несколько рядов. Тут был хлеб, молоко в бутылках, вареная картошка, яйца, фрукты и прочая еда. И вновь конвой беспрепятственно допустил нас к продуктам.

Каково же было наше удивление, когда нескольким женщинам удалось уговорить охрану отпустить к себе нескольких пленных под видом мужей или братьев. По дороге, уже проходя через селение, нас провожала взглядами, а главное пыталась передать продукты новая толпа детей, стариков и женщин. Однако, теперь конвой не разрешил походить к нам близко и продукты просто бросались к нашим ногам, а кое-кто из нас успевал ловить их на лету.

Деталей дальнейшего нашего пути к Гайсину я не помню, ибо мне становилось все хуже, разболелась раненая нога и мне стали помогать передвигаться друзья, которые к тому времени сами едва передвигались.

Глава 3. ГАЙСИН

Вечером мы добрались до предместья Гайсина и большую часть из нас разместили в какой-то заброшенной конюшне. Я сразу уснул и спал относительно долго, но беспокойно, часто просыпаясь от болей в левой ноге, гдегноилась рана на голени. Я этим страшно тревожился, ибо боялся развития гангрены. Мои друзья сделали мне перевязку из подручного материала, обнаружив, что в ране появились свежие грануляции, а это свидетельствовало о начале заживления. Рана на внутренней поверхности правого бедра также понемногу заживала и нагноения в ней отсутствовали.

Через некоторое время последовала команда выйти во двор и построиться. Мы, медики, пытались держаться вместе. К нам присоединилась группа командного состава, а поскольку на их форме знаков различия уже не было, мы их называли своими фельдшерами и санитарями.

Затем последовала команда – марш! Нас вывели со двора и повели по проселочной дороге по направлению к городу. Пройдя несколько сотен метров и подойдя к развилке, мы слышали правее от нашей дороги автоматные очереди и душераздирающие крики и стоны взрослых и детей. Оказалось, что там совершались казни целых семей. Невдалеке, в балке фашисты подводили к оврагу взрослых и детей разных возрастов и в упор расстреливали их. Увиденное зрелище массовой публичной казни потрясло нас. Мы буквально оцепенели и ничего не могли сказать друг другу. Наступило состояние, описанное великим русским физиологом академиком И.Павловым – ”запредельное торможение”.

Следом пролетел слух, что и нас ждет такой же конец. Кто-то из нас заметил, что впереди развилка дороги – одна дорога поворачивала влево, к каким-то постройкам, вторая – вправо, к месту казни. Мы вцепились друг в друга. По колонне передали: если нас поведут вправо, к месту казни – всем наброситься на конвой. В схватке всех не перебьют, поэтому каждый решил, что лучше погибнуть в поединке с врагом, чем пассивно ожидать смерти.

Но произошло чудо и судьба оказалась к нам благосклонна – голова колонны повернула влево, в направлении каких-то строений и напряжение сразу спало, среди пленных прокатился вздох облегчения. Нас отконвоировали к одному из строений, где во дворе уже стояли деревянные кадучки, из которых нам черпаком стали разливать ”баланду”. Однако, почти никто не имел котелков и только у ”счастливчиков” оказались какие-то жестянки, банки или другие черепки. Остальным баланда раздавалась в пилотки или в подол гимнастерки. У меня же оказалась вместительная сумка от противогаза из довольно плотной ткани, в которую для меня и Герасимовича влили два черпака баланды.

После ”завтрака” нас вновь построили и повели почему-то обратно. К середине дня стало известно, что в той балке на окраине Гайсина расстреливали еврейское население города и нам рассказали о некоторых эпизодах этой неслыханно жестокой расправы. Даже на другой день там еще шевелилась земля и из этих могил удалось извлечь нескольких заживо погребенных, спасая их от неминуемой гибели. Трудно было поверить, но эсесовцы повальными облавами вылавливая евреев, охотились даже за грудными детьми и седыми стариками, никого не щадя. Позднее я сам неоднократно был свидетелем подобных жестокостей. Невероятной по циничности была даже форма отправки несчастных на казнь. Первыми в колонне шли старики, часто с длинными бородами и старушки с маленькими детьми на руках, которые вдобавок едва тащили вещи. Такую колонну окружала цепь автоматчиков, впереди которой шли пулеметчики. Позади, на некотором расстоянии следовали солдаты или гражданские с лопатами. Особенно тяжело было наблюдать, как следуют на казнь матери со своими младенцами. Каким нужно быть извергом, чтобы с невероятной жестокостью уничтожать всех поголовно, от грудного младенца до глубокого старика!

Много лет спустя, уже в мирное время, работая более 40 лет детским врачом, преимущественно с больными с патологией органов дыхания, я часто вспоминаю о первых тяжелых послевоенных годах, сравнивая их с днями сегодняшними. Было время, когда диагноз ”туберкулез” был равен смертному приговору, а острые пневмонии, токсическая диспепсия почти в 50% случаев заканчивались смертельным исходом. Но последние лет 30 в медицине произошла подлинная революция, появилось огромное количество новых

препаратов и антибиотиков, улучшились условия жизни людей, что привело к снижению заболеваемости, а главное – смертности детей. Всякий раз, являясь свидетелем гибели больного ребенка – переживаешь все увиденное в жизни вновь и вновь. Разве хирург, сделав все возможное, легко переносит неблагоприятный исход операции?! Только невежда может обвинить такого доктора во всех смертных грехах.

Но вернемся к жизни концлагеря. Количество пленных в нем возросло в основном за счет поступления легкораненых, тяжелые же просто не поступали – еще на поле боя их просто добивали. В одной из конюшен, а на территории было несколько построек, попавшими в плен врачами был оборудован санитарный пункт. Но не было у нас перевязочного материала и дезинфицирующих средств. Для перевязок использовали все, что было под руками, чаще разорванное на куски, многократно постиранное белье, которое доставалось нам от населения. В лечении ран широко использовались целебные травы. В оказании помощи раненым огромную помощь оказывали женщины, которые нескончаемым потоком шли к лагерю. Кто искал отца, кто мужа или сына, кто просто считал своим долгом оказывать посильную помощь очутившимся в беде людям. Каждый, кто шел к нам, брал с собой и отдавал нам продукты питания, одежду, обувь. Простым женщинам – труженицам, принадлежит огромная заслуга в спасении многих десятков тысяч ослабленных раненых. Медработники, особенно сестры Гайсинской районной больницы Галина Владиславовна Кирилук и Мария Ивановна Королюк, принимали активное участие в снабжении нас перевязочными и другими необходимыми материалами для раненых и больных, особенно сыпным тифом и туберкулезом, которые находились в изоляторе. Много жизней удалось спасти известной в Гайсине героической женщине Доре Борисовне Скокодуб, - маленькая, худенькая, она постоянно оказывала нам помощь, пытаясь как можно больше раненых спасти от лагеря и перевести их в больницу, а потом при первой возможности переправить в лес к партизанам. Сейчас, спустя много лет, пусть станет известным то, что медсестры больницы, аптечные работники и другие медики подвергали смертельной опасности не только себя, но и своих детей, свои семьи. Они систематически оказывали помощь больным и раненым лагеря. А, ведь за малейшее подозрение в неповиновении или отступлении от требований фашистов, тем более за связь с партизанами было одно наказание – избиение резиновыми палками или чем попало, а затем расстрел. Знайте и помните, как порой происходило наказание – жертве снимали штаны и заставляли лечь ее на живот, по бокам становились палачи, вооруженные резиновыми палками и начиналось избиение. Удары рассекали не только кожу и мышцы, но порой ломали кости. Избиение продолжалось до тех пор, пока несчастный не терял сознание. Когда тело переставало вздрагивать – следовал выстрел в затылок и на этом пытка и мучения жертвы заканчивались. Пощады никому не было. Казнили не только тех, кто проявлял неповиновение, но и их ближайших родственников. Иногда фашисты загоняли непокорных в дома, а затем поджигали их. Но, несмотря на беспощадный разгул фашистского террора, люди шли на отчаянный риск, чтобы облегчить страдания пленных.

В то же время сама Гайсинская больница испытывала огромные трудности в перевязочном материале и в решении этого вопроса Дора Борисовна нашла простое решение. Путем обхода квартир и домов Гайсина и пригорода, через знакомых учителей города, ей удалось собрать достаточное количество белья,

после стирки которого из него изготовляли прочный перевязочный материал с возможностью его многократного использования.

Кроме того, Дора Борисовна имела ряд поручений по организации партизанских групп в районе Гайсина. С помощью нашего фельдшера Сученко Владимира Андреевича, пользуясь разными способами, вплоть до подкупа охраны, она уводила из лагеря командиров и переправляла их в формирующиеся партизанские группы и отряды. Благодаря бесстрашию, неиссякаемой энергии, ей удалось за короткое время организовать активных женщин, медсестер, аптекарей, учителей школ и воспитателей, которые принимали участие в оказании помощи больным и раненым в больнице и концлагере.

За небольшой промежуток времени в половине конюшни, ставшей "санчастью", сгруппировался преданный делу коллектив: врачи Герасимович П.Г., Николаев З.А., Мясников Н.И. и Кшановский С.А., фельдшер Сученко В.А., Хохлин И. и другие. Почти все знали друг друга еще задолго до плена, проходя службу в армии и участвуя в оборонительных боях. К нам начали обращаться за помощью не только раненые, но и больные с заболеваниями органов дыхания, особенно с подозрением на туберкулез, истощенные лица с кишечными расстройствами, у которых была высокая возможность возникновения дизентерии. Это в свою очередь не на шутку обеспокоило оккупантов, в результате чего появилось их распоряжение отправить из лагеря больных с кишечной патологией в городскую больницу, где приспособить для них здание бывшего туберкулезного диспансера. Эти действия врагов всесилили в нас надежду и уверенность на установление более тесной связи с медиками районной больницы и аптеки, а также с местным населением. По этой причине, с целью расширения показаний для изоляции больных мы внесли предложение охране лагеря о необходимости перевода в изолятор райбольницы также заболевших туберкулезом легких, которого немцы боялись как огня. Эту задачу мы относительно легко разрешили и теперь нужно было внедрить в изолятор как можно быстрее и больше своих проверенных людей. Вскоре, по договоренности с главврачом больницы и при согласии немцев для работы в изоляторе были переведены врачи Филоненко, Федоров, Герасимович, Мясников и Забияка. Через некоторое время Филоненко и Федоров стали привлекаться для оказания хирургической помощи гражданским лицам на базе райбольницы. Таким образом, осуществилась важная задача более тесной связи с местным населением, которая изо дня в день крепла, с "гражданки" начали поступать в "санчасть" концлагеря некоторые медикаменты и перевязки.

Способ добычи и изготовления перевязочного материала, предложенный Скокодуб, был усовершенствован в условиях больницы. После стирки материала его стерилизация проводилась уже в автоклаве больницы. И здесь женщины, не считаясь с возможными, губительными для себя последствиями, выполняли свой патриотический долг, ежедневно занимаясь сбором среди населения продуктов питания, перевязочного материала и лечебных трав, которые с успехом применяли в наших условиях, особенно при лечении гнойных и плохо заживающих ран.

Местные женщины оказывали посильную помощь находящимся в бедственном положении на оккупированной территории женам командного состава, которые оказывались одни среди чужих, нередко с малыми детьми на руках. Их забирали в свои дома, кормили, одевали, выдавали за родственников, дабы сберечь их от расправы или отправки на работы в Германию.

Тем временем в концлагере началась волна новых испытаний. Огромный поток людей в лагерь, пересортировка их по каким-либо признакам – физическим или национальным, формирование команд и отправка их по этапу на Винницу или на работы, без элементарной санобработки привело к невероятной завшивленности людей. Стихийной борьбой со вшами, их поиском и удалением с самого себя занимались все с утра до вечера. Однако, произвести элементарную санобработку – помыть людей в бане с мылом, которое бы содержало инсектициды, сменить им белье, своевременно изолировать лихорадящих не представлялось возможным. Дезкамеры же для обработки одежды просто не было.

Настораживало, что в последние дни появились случаи с типичными симптомами сыпного тифа - температурой до высоких цифр, нарастающей головной болью и слабостью, инъецированностью сосудов с точечными кровоизлияниями на конъюктиве глаз и слизистой рта, в придачу – появление типичной розеолезной сыпи преимущественно на коже сгибательных поверхностей конечностей и на боковых поверхностях туловища. Это вызвало немалую тревогу не только среди пленных и медперсонала, но и у охраны лагеря, которая опасалась возникновения и распространения эпидемии сыпного тифа среди своих. В лагерь прибыло начальство, от которого можно было ожидать самых крайне жестоких мер, вплоть до физического уничтожения заболевших. Однако, на следующий день мы вздохнули с некоторым облегчением, ибо последовало распоряжение о переводе заболевших в организованный на территории горбольницы изолятор.

Говорят, возможно, так оно и есть, человек обладает каким-то "шестым" чувством. Нередки случаи, когда вдруг ощущаешь какую-то нарастающую внутреннюю тревогу и ждешь неприятностей. Вот и я в тот день почувствовал, что на этом все не кончится. На следующий день последовала команда направить меня для медобеспечения в один из близрасположенных рабочих лагерей. Внутренне я сознавал свою необходимость там, ибо рассчитывал, что в невероятно трудных условиях смогу быть полезен в облегчении страданий своих товарищей – раненых и больных, да еще – тяжело работающих с утра до позднего вечера. Я успел попросить дать мне в помощь хотя бы фельдшера, но мне отказали.

Глава 4. СЕЛО КРОПИВНА – РАБОТАЮЩИЙ КОНЦЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ

С чувством невероятной подавленности и тревоги я оставлял своих друзей. За короткое время мы очень привязались друг к другу.

Мне все же повезло. О моем отъезде узнали в райбольнице Гайсина и медсестры оперативно заготовили и передали мне перевязочный материал, иод и некоторые другие медикаменты. Опытные сестрички знали, что каторжный труд на каменоломне и строительстве дорог потребует большого количества перевязочных средств для лечения травм и мне успели дать заполненную до отказа перевязочными материалами сумку из-под противогаза, сверху которой лежал небольшой белый сверток. У меня было обычное военное обмундирование и изношенные офицерские сапоги, вдобавок товарищи раздобыли мне шинель.

И вот посадили меня на грузовик, нагруженный строительными инструментами – кирками, ломами, лопатами и другим имуществом,

необходимым для строительства шоссейной дороги и работы в каменоломне. По дороге, в одном из сел я стал свидетелем еще одной, неслыханной по жестокости расправы над женщинами. Когда мы подъехали к селу, я услышал нарастающий силы женские крики и вопли. Подумалось сначала, что происходит очередная казнь еврейского населения, но выстрелов не слышалось. Подъехав к центру села, наша машина остановилась. Невдалеке мы увидели место, где учинялась расправа над группой женщин, которых выстроили несколькими рядами вдоль широкой скамьи. С обеих сторон скамейки стояли полицейские, одни из которых имели дубинки, другие – держали в руках широкие ремни и веревки. Каждую из жертв укладывали животом вниз на скамейку и задирали одежду вверх на голову, а затем два дюжих полицейских привязывали ноги и руки к скамейке и начинали избиение – оголенные места миглом становились сине-багровыми и не одна жертва не могла выдержать этой боли. Спереди же стоял старший полицейский и отсчитывал удары. Увиденное производило потрясающее впечатление, ведь никто даже в мыслях не мог допустить возможности подобного насилия. После экзекуции женщины не могли самостоятельно подняться и стоять на ногах. Полицейские брали их за руки и ноги, и как бревна, относили в сторону на землю, где обливали их водой, а затем поднимали и уводили на ближайший двор.

Одной из женщин удалось вырваться из рук полицейских и она сама легла на скамейку подняв одежду, а после истязания поднялась и со всего маху дала пощечину одному из них. Поднялся хохот, громче всего смеялись сами полицейские. Неизвестно, чем бы все закончилось, но женщина быстро юркнула в толпу, стоящие рядом женщины оттеснили ее в соседний двор, а полицейский с кровоподтеком на лице не стал стрелять в толпу. После этого можно было ожидать еще большую ярость в наказании женщин, однако расправа была прекращена. Стало известно, что причиной истязания женщин послужило несвоевременное выполнение задания старосты села. Оказалось, что накануне вечером только что назначенный староста дал команду всем женщинам выйти утром в поле для скирдования соломы. Разумеется, что каждой из женщин до работы в поле надо было выполнить домашнюю работу - на плечах порой единственной кормилицы в семье в военное лихолетие остались старики и дети, необходимо было решать вопросы заготовок на зиму продуктов, топлива и фуража. Поэтому-то все женщины опоздали на работу в поле и были наказаны избиением. Такую палочную "демократию" фашисты насаждали с первых дней оккупации...

К концу дня наша машина подъехала к лагерю. То, что я увидел, превзошло всякие ожидания. На небольшой возвышенности при выезде из села Крапивное стояло несколько ветхих, длинных и покрытых соломой деревянных зданий по типу барачных, вдоль которых прохаживались охранники в венгерской форме с автоматами наперевес. День клонился к вечеру и стало пасмурно, двор после дождя был в лужах и грязи. Во дворе и помещениях пленных не было видно, ибо все работали на каменных карьерах и на строительстве шоссейной дороги, соединяющей Уманы и Винницу.

Меня отвели в один из сараев-барачных, внутри которого было отгорожено небольшое помещение ("маштарка"), предназначенное для меня и формируемой мною санитарной службы, на оснащении которой, попросту, ничего и никого не оказалось! Ветхие, с множеством щелей для сквозняков стенами, пропитанные сыростью, бараки были абсолютно непригодными для жилья не только людям, но и скоту.

В самих бараках, под стенами, на сырой земляном полу, была набросана потертая солома, служившая местом короткого отдыха пленных после их каторжной работы.

Конвоир похлопал меня по плечу и оставил в растерянности стоять в бараке, благо, не забрав шинель и сумку, которая была заполнена медикаментами и перевязочным материалом. Подумалось, где и как расположить то, чем одарили меня медицинские сестры Гайсинской больницы, ибо в отгороженном отсеке не было даже соломы для подстилки.

Я вышел во двор и у самой калитки, уже за границей лагеря, увидел двух охранников, размашисто жестикулирующих и громко о чем-то беседующих. Один из них был пожилым и в немецкой форме, другой – моложавым в венгерской. Я направился к ним и остановился, не доходя до калитки лагеря несколько метров. Зная немного немецкий, я попытался объяснить, что я врач и прибыл в лагерь для оказания медицинской помощи работающим здесь пленным и что в помещении, которое мне отвели для лазарета, нет никакого медицинского оборудования и медикаментов. Пожолой немец, прихрамывая, подошел к калитке и открыв ее, потребовал повторить сказанное. Я повторил. Он ткнул меня каким-то жезлом в грудь и приказал идти за ним в барак. Осмотрев мою маштарку-''амбулаторию'' и ничего не сказав, а лишь пробурчав что-то невразумительное, он ушел. Я же остался, потеряв всякую надежду на помощь, в мыслях готовясь смириться с суровой действительностью. Мое психологическое состояние было настолько критическим, что я даже не представлял ближайшего будущего, а наиболее тяжелым было чувство одиночества. Подумалось, что когда даже самых опасных преступников сажают в одиночные камеры, они знают, за что страдают и что их ждет. Их кормят, у них есть одежда и нары – пусть жесткие и не всегда с матрацом, даже есть чем укрыться! Им иногда дают книги, могут предоставить возможность писать. Пленный же в фашистской неволе был обречен на медленную голодную смерть, жизнь его нужна была лишь для того, чтобы он мог рабским физическим трудом приносить пользу рейху. Над его головой постоянно висит угроза расправы, в любой момент его могут подвергнуть самым изощренным пыткам и в конце концов – лишит жизни. Единственно – он со своими товарищами. Я же оказался лишенным и этого, очень сожалея, что не уговорил начальство лагеря в Гайсине дать мне в помощь хотя бы одного фельдшера. Однако, меня не покидала надежда, что я смогу под видом больного оставить себе в качестве санитаря хотя бы одного надежного человека из пленных. День был на исходе, но я не ощущал голода, так как перед отъездом меня накормили. И совершенно неожиданно, в карманах шинели я обнаружил изрядное количество сухарей, а в сумке с медикаментами – несколько кусочков сахара! Стало ясно – это позаботились медсестры больницы.

Уже стемнело, когда я увидел колонну пленных, которая едва плелась под охраной конвойных венгров. Нет нужды описывать вид изнеможенных, с бледными лицами, преимущественно молодых мужчин. С той поры прошло много лет и я не могу назвать относительно точного количества пленных, которые находились тогда в этом лагере, но было их не менее тысячи.

После так называемого приема пищи в виде баланды пленные без каких-либо объявлений чередой выстроились ко мне на перевязки ран и обработки всяких повреждений. Особенно много было разного рода гнойных осложнений и язв на конечностях, которые очень меня беспокоили, потому что для их

обработки требовалось немалое количество дезинфицирующего раствора и перевязочного материала, а это привело к тому, что к концу приема больных я с ужасом заметил - лишь за один прием мною израсходована почти половина перевязочного материала. Надо отдать должное опытным сестрам райбольницы, которые снабдили меня относительно большим количеством иода, перекиси водорода, другими дезвеществами и ватой.

Все же я допустил ошибку, поторопившись составить целый список лиц для временного освобождения от работы особо истощенных пленных с разными язвенными процессами и обширными гнойниками. Когда перед построением на следующее утро я обратился к коменданту лагеря с письменным ходатайством об освобождении нескольких человек от работ, он схватил список и разорвал его в клочья, заявив, что меня перевели в этот лагерь не для того, чтобы освобождать бездельников от работ на благо победоносного рейха и что моя задача - предупреждения возникновения в лагере сыпного тифа. При этом он сказал, что если это не будет выполнено, он собственноручно вздернет меня на виселице с петлей на шее из колючей проволоки.

Прошло несколько дней и я убедился, что в лагере господствует неслыханный произвол. Главными исполнителями наказаний были "свои" – предатели из числа пленных или местных жителей. Особо изощренным садистом прославился старший из них, Иван, по фамилии кажется Голик. Это был физически очень хорошо развитый молодой субъект лет 20-22, уже успевший располнеть, который постоянно двигался по территории лагеря с несколько опущенной головой, не выпуская из рук резиновой дубинки с оловянным наконечником на конце. Таких мерзавцев обычно вербовали из закоренелых уголовников. Иван был типичным палачом-садистом, который испытывал огромное удовлетворение при истязании попавшей в его руки жертвы. В хромовых офицерских сапогах, он постоянно рыскал по лагерю, выискивая очередную жертву. При его появлении на территории все живое вокруг замирало, никто не решался выйти из барака. Если во дворе никого для наказания не удавалось найти, он начинал поиск в бараках, где всегда можно было найти подходящую жертву, которую можно было стегануть дубинкой раз-другой. Вот и сейчас он вышел "на охоту", не дожидаясь построения пленных перед отправкой на работу (а другой раз - на получение баланды), - ему хотелось срочно найти кого-то для быстрой расправы. И такая возможность вскоре представилась – очередной жертвой был избран его сверстник, блондин с вьющимися волосами по имени Саша, который был выше среднего роста, правильного телосложения, с несколько вытянутым изможденным лицом, с запавшими щеками, а его синие глаза глубоко сидели в орбитах. Последние дни Саша выглядел сильно угнетенным, по утрам до построения на работу и после так называемого ужина он, опустив понуро голову, медленно передвигался перед бараками то в одну, то в другую сторону. Его вид свидетельствовал о сильном внутреннем переживании, будто он осознавал, что на него надвигается роковая опасность.

В действиях же Ивана прослеживались повадки бешанной собаки, которая бежит вроде бы в одном направлении, а потом вдруг сворачивает в твою сторону и внезапно очень больно кусает тебя. Этот зверь в облике человека предпочитал незаметно подкрадываться к намеченной жертве и внезапно набрасываться на нее.

По рассказам пленных Иван и до этого преследовал Сашу несколько дней. То ему казалось, что Саша позже поднялся утром, то несвоевременно стал в

строй, то вид его какой-то вызывающий. Однажды Саша получил очередную порцию баланды на ужин, а Иван подкрался к нему сзади и носком сапога выбил котелок из рук. Саша проявил выдержку и не ответил своему мучительно-полицая на его подлость. Но Ивану все казалось мало, он преследовал лишь одну цель – физически уничтожить Сашу. Через пару дней утром, при выдаче хлеба на завтрак, было установлено, что не хватает одной буханки. Кладовая находилась в одном из барачков, где размещались пленные. В перегородке между кладовой и остальной частью барака была обнаружена дыра, недалеко от которой располагалось место, где спал Саша. Это оказалось достаточным, чтобы подвергнуть Сашу допросу, который скорее напоминал пытку, после которой мне довелось увидеть его. Стонущего окровавленного Сашу вытащили на площадь, где уже были построены пленные и находился комендант лагеря.

Гестаповец дал команду и Сашу уложили животом вниз на лавку, а два откормленных полицая заняли привычные для них места – по обе стороны несчастного, начав избивать его резиновыми палками. Периодически Саша терял сознание и его обливали водой. Он приходил в чувство и его поднимали на какое-то время, а он как-бы искал кого-то глазами и пытался позвать. Все мы стояли молча и в оцепенении. Мне показалось, что Саша осознал, что его ждет трагический конец и, возможно, хотел сказать последние слова - что он не виноват и хлеб не воровал. Смотреть дальше такое я не мог, но и уйти было невозможно. В этот миг мы услышали душераздирающий крик – это палач Иван принес из кухни ведро с кипятком и вылил его на израненную спину Саши. Через пару минут комендант лагеря достал пистолет, а полицай поставил Сашу на колени - последовало два выстрела в затылок обреченного и жизнь молодого человека закончилась.

В тот же день после раздачи порции баланды на ужин по лагерю распространился слух, что никакой кражи хлеба не было, а произошла ошибка при подсчете. И действительно, немцы всегда отпускали дневную порцию хлеба только из расчета количества пленных, а после ужина не только хватало всем хлеба, но он оставалось после гибели пленных в течении дня. Хлеб был настолько плохого качества и содержал процентов 30 древесных опилок, что мы с трудом переживали свои порции, запивая его баландой. А, уж представить себе, что один человек может съесть целую буханку было невозможно. Поэтому среди нас прокатился ропот возмущения и мы вслух высказали свое возмущение по поводу случившегося. Услывав ропот пленных, Иван жестоко наказал нескольких, обвинив их в агитации против "освободителей".

Во второй половине октября по ночам стало прохладно и нам сделали снисхождение - в бараки и мою коморку занесли свежую солому, а старой, по примеру товарищей, я заложил щели в стенах. Но, с каждым днем становилось все тревожней, т.к. никакой перспективы успешно бороться с надвигающимся холодом не было.

Я долго думал, как сообщить товарищам в Гайсин о моей беспомощности и безперспективности в создавшихся условиях оказывать медицинскую помощь находящимся в лагере. И вдруг я узнал, что по медицинской части местный немецкий гарнизон обслуживает вольнаемный чешский врач по имени Коваржик. Мне стало известно, что он сочувственно относится к медперсоналу гайсинской райбольницы, оказывая им посильную помощь в снабжении перевязочными материалами и медикаментами.

Я решил обратиться к нему за помощью и вскоре представился удобный случай встретиться с ним. У одного из пленных резко повысилась температура. Комендант отсутствовал и я доложил о заболевшем его заместителю, высказав на основании некоторых симптомов предположение, что у больного грипп или даже сыпной тиф. Больной был незамедлительно отправлен с заранее подготовленной мною запиской в Гайсинский изолятор для военнопленных. Я боялся, что вернувшись, свирепый комендант лагеря накажет меня за такую активность, но, к счастью, он получил другое назначение и в лагерь больше не вернулся.

Спустя несколько дней, неожиданно для всех в лагерь прибыл чешский врач Коваржик, а с ним еще один офицер, тоже врач. Исполняющего обязанности коменданта на месте не оказалось – он был в отдельно расположенном здании, куда были согнаны евреи из Черновцов. После некоторого ожидания врачи встретились с новым комендантом и между ними состоялся довольно жорсткий разговор по-немецки. Стоя несколько в стороне от беседующих, насколько я смог разобрать, речь приезжих шла о том, что победителю не приличествует такое пренебрежительное отношение к врачу и больным даже побежденной армии. На меня это произвело такое ошеломляющее впечатление, что трудно было даже этому поверить. Я очень боялся, что после отъезда докторов мне-то здесь оставаться и последует расправа уже надо мной. При существующем произволе это сделать очень просто под любым предлогом и в любое время. Тем более, что союзники немцев не имели на них серьезного влияния, их чаще использовали на менее ответственных участках фронта, на тыловых и хозяйственных работах. Однако, мне повезло. После этого случая отношение не только к медицине, но и к пленным стало менее грубым и не таким жестоким. В мою каморку занесли стол, скамейку и самодельный шкаф для медикаментов. Стали периодически выдавать хоть и в малых количествах перевязочный материал, вату, йод, перекись водорода, а также дезинфицирующие вещества. Лояльнее стали относиться и к моим освобождениям от работ изможденных, стали несколько реже применять наказания в виде избиений по дороге на работу и с работы, да и в самом лагере физических наказаний стало меньше. Истинную причину облегчения существования пленных в лагере знал, разумеется, лишь я. Многие же считали, "демократия" обусловлена сменой коменданта, хотя и это имело значение.

Радовались мы недолго. Надвигалась глубокая осень, становилось все холоднее, особенно по ночам. После работ и приема баланды пленные старались спрятаться в бараки и зарыться в солому, плотно прижавшись друг к другу. Невероятно тяжело было по утрам, когда раздавалась команда подъем на построение, а затем следовало получение баланды и выход на работы. Трагедия заключалась не только в том, что люди были крайне истощены и постоянно голодны, но и в том, что они почти совершенно раздеты. Редко кто имел шинель или какую-то телогрейку, все же остальные донашивали свою ветхую и рваную форму, которую нечем было штопать. Большинство пленных были без обуви и ходили на работу в чем придется.

Все, что творилось вокруг, было больше похоже на бесконечно тяжелый, просто кошмарный сон. Вместе с тем это была жестокая действительность. Ежедневно по утрам голодных и продрогших от холода людей палками заставляли становиться в строй. Затем раздавалась команда - марш! Ответственным за своевременный выход на работу был тот же Иван – полицейский-предатель, один вид которого вызывал трепет среди пленных. Если он наносил

удар, то делал это неожиданно, получая от этого большое удовольствие. Ни у кого не возникало сомнений, что это умственно неполноценный, нет – не человек, а зверь в обличье человека, с постоянной лютой ненавистью к людям, маньячной страстью к жестокости, являлся настоящей находкой для гестаповцев.

Как-то днем ко мне в лагерь неожиданно пришел уже знакомый чешский врач. Оказывается, он отвечал за медицинское обеспечение командированных из Чехии мастеров на строительстве шоссейной дороги на Винницу. Он, для меня загадка по сей день почему, пригласил меня осмотреть лагерь-гетто для евреев, находившийся рядом с нашим лагерем. То, что я там увидел, потрясло меня. Более ужасной картины нельзя было представить. Гетто располагалось в бывшем складском помещении, в котором были устроены ряды 2-х этажных нар. Мужчины и женщины, начиная с подростков и кончая стариками, располагались вместе, группируясь по семейному принципу. В этом общем помещении постоянно слышались гул, раздавались стоны и вскрикивания. Воздух был насыщен гнилостным запахом разлагающихся живых тканей, так как у многих до крайности истощенных людей на руках и ногах гноились раны, - следствие нелеченных травм и ран, полученных на работах. Просить им хоть о какой-то обработке ран, или тем более – о лечении вообще запрещалось! На любые просьбы о снисхождении был один ответ – наказание дубинкой. Люди держались изо всех сил, на работу вынуждены были идти даже те, кого с трудом можно было поднять на ноги. Тех же, кто полностью терял трудоспособность, грузили на грузовики и отвозили за территорию гетто на расстрел. Сортировкой, т.е. отбором неработоспособных для последующего истребления занималась спецкоманда есесовцев, которая прибывала периодически в лагерь и выстраивала всех во дворе рядами. Потом начинался отбор тех, кто уже по внешнему виду еле держался на ногах и был не способен выполнять какую-либо работу. К ним добавляли лежащих, которые уже не в состоянии были выйти даже на построение – их выводили во двор и присоединяли к отобранным обреченным.

Наш лагерь был расположен на территории, находящейся несколько выше еврейского гетто и я не раз наблюдал подобные сортировки, когда порой мужей разлучали с женами. При очередной такой сортировке одну беременную, конечно уже нетрудоспособную, разлучили с мужем и отвели в сторону к группе, подлежащей расстрелу. Муж в отчаянии бросился на колени перед извергами, пытаясь убедить палачей, что жена еще может работать. Один из немцев, по-видимому, старший, вырвал из рук рядом стоящего полицая резиновую палку и нанес просящему о снисхождении бедняге со всей силы точный удар в переносицу. Раздался треск разбитых очков и частички разбитого стекла вонзились в глаза несчастного, а сама жертва упала, больше не сумев подняться. Обреченного забросили в кузов авто и лишь теперь жена вновь соединилась с мужем, влезая следом за ним в кузов.

Расскажу еще один случай. Как-то днем, когда все были на работах, ко мне снова зашел несколько встревоженный мой знакомый чешский врач и сказал, что привел с собой девушку из еврейского гетто по имени Маша, которой необходимо было скрытно оказать медицинскую помощь. Он оставил на столе у меня несколько перевязочных пакетов и йод, стандартную полевую дезинфицирующую жидкость, а затем ушел. Вскоре он вернулся, сел на скамейку возле меня, помолчал немного и мешая русские и немецкие слова, начал свой рассказ о том, что эта девушка ему не безразлична – он ее любит и

хочет сделать все возможное для ее спасения. Маша нуждается в лечении из-за огромной раны на левой голени, лечить же ее в гетто не представляется возможным. Затем он поведал мне, что Маша родом из Черновиц, ее отца и мать расстреляли гестаповцы под Проскуровым. Она уже была готова разделить участь отца и матери, но ее каким-то чудом вытолкали через румынское оцепление в группу евреев, которую гнали сюда. Впервые чешский врач увидел Машу в каменоломне, куда ежедневно отправляли евреев на работы. Работающая рядом с ней пожилая женщина пыталась закрепить повязку на голени девушки. Тогда чеху удалось забрать девушку с собой и отвезти в гетто, но скрытно долго держать ее там не было возможности и через некоторое время он доставил ее ко мне в лагерь. Выслушав этот рассказ, я его заверил, что сделаю все возможное для ее лечения. Через несколько минут он завел девушку ко мне в маштанку (отсек) барака. Маша оказалась девушкой необычайной красоты. Ей было лет 18, среднего роста, с красивой фигурой и худым личиком, с двумя длинными косами черных волос. На часто мигающих длинных черных ресницах поблескивали росинки слез, изредка скатываясь по щекам и падая на длинное поношенное, но элегантно сшитое серое платье. С чехом она общалась по-немецки. Теперь надо было осмотреть рану и мы уложили девушку на кушетку. Рана на ноге была забинтована белой тканью, местами пропитанной кровью. Необходимо было снять повязку и осмотреть рану и мне удалось это сделать быстро. В области средней трети икроножной мышцы я увидел на фоне красноты глубокую кровотокающую рану с отечностью краев, при пальпации болезненную, с наметившимся нагноением в центре. После тщательной обработки раны и ее перевязки я вышел из отсека в барак, а вслед за мной вышел чех и предупредил меня, чтобы я не выходил во двор лагеря. Через несколько минут он пригласил меня в маштанку, где на моих глазах разыгралась драма. Девушка сидела на кушетке полусогнувшись и охватив голову руками беззвучно рыдала, ее плечи непрерывно вздрагивали. На мгновения она делала короткие глубокие вдохи и стонала, а затем вновь продолжала рыдать. Мне трудно было наблюдать происходящее и я вновь вышел из маштанки, чех последовал за мной. Мы некоторое время помолчали, а потом он что-то заговорил на родном языке, взял меня за руку и вновь завел в маштанку. Девушка поднялась и направилась к выходу, а за ней следом проследовал мой коллега. Эти перевязки следовали каждый день в течение 10 дней. Чешский врач каким-то чудом находил возможность приводить ко мне девушку на перевязки, но внезапно их визиты прекратились. Теперь уже чешский коллега стал приходить за мной и мы вместе почти ежедневно ходили в гетто перевязывать раны девушки. Через какое-то время я спросил чеха, как эта хрупкая девушка выдерживает не только такие условия содержания, но и всегда подтянута и опрятна, как ей удается ухаживать за роскошными волосами. Вначале врач несколько смутился, а затем сказал, что он еще в первые дни их знакомства принес Маше элементарный набор для санобработки, мыло, ножницы, полотенце и даже зубной порошок и щетку. Немного подумав, он добавил: "Иногда мне даже удается доставать ей горячую воду". С наступлением холодов он достал ей теплую обувь и одежду.

Как-то, в один из прохладных дней чех зашел ко мне снова и в доверительной форме, как врач врачу, подробно рассказал о судьбе родных своей подопечной подробнее. Когда их выводили из Черновиц, на короткой остановке под Проскуровым (ныне Хмельницкий) немцы выделили большую группу нетрудоспособных - мужчин, женщин и детей разных возрастов,

включая младенцев и подвели их к оврагу, перед которым из общей группы выделили детей, построили их в один ряд, затем уложили на живот и на глазах родителей в упор расстреляли. Мой доктор сделал паузу и вел далее: "Я не могу без содрагания продолжать рассказ о своей девушке". Однажды и она, с большим усилием воли, глубоко вздыхая и заливаясь слезами, рассказала об этом, описывая картину умерщвления неповинных людей, после чего надолго умолкла. Лишь на следующий день она, не торопясь, продолжила свое повествование. Оказалось, после казни детей тогда стихийно возник бунт оставшихся в живых родителей и стариков, после чего охранники беспощадно начали избивать их, а затем всех согнали в одну группу на другой стороне оврага. Повествуя, Маша сказала, что там, возле оврага, она последний раз видела своего хромающего отца, матери среди живых уже не было... Прошедшее, как кошмарный сон, постоянно преследовало Машу, самой чудовищными для нее пытками были ночи, когда воспоминания и чувства становились настолько острыми, что их лишь большим напряжением воли можно было уменьшить. Чешский доктор не раз говорил, что Маша просила его помочь ей уйти из жизни и прервать эти жестокие пытки. Она будто знала, что рано или поздно ее ждет неминуемая гибель, но она боится не смерти, а пыток.

На какое-то время доктору удалось как-то успокоить Машу, снять ее напряжение. Кроме того, мой доктор нередко прогуливался с комендантом-гестаповцем по территории лагеря и в беседах с ним наверняка просил о снисхождении по отношению к девушке.

К сожалению, их дальнейшей судьбы я не знаю. Меня вскоре снова перегнали в прежний лагерь, в Гайсин. Одно знаю достоверно, чех готовил ей документы с целью отправки к своим родным, в Чехию.

Прошло много лет с той поры, мы все постарели и сильно изменились, но хочу надеяться, что мечта молодых людей быть вместе осуществилась...

Кто из нас не содрагался при чтении книг или просмотре фильмов об осужденных на смерть. Эти люди знали, что умирают за свою идею или платят за свои злодеяния. Они готовили себя к роковому исходу, возможно, еще на что-то надеясь. А, здесь целые семьи в условиях голода, холода, каторжного труда и истязаний ждали смерти, уже ни на что не надеясь...

С каждым днем, особенно ночью становилось все холодней. Тяжело было и утром – пол-литра жидкой "баланды" и кусок хлебного сурогата проглатывались мигмом. Счастье, что были мы на своей территории, где нам помогали едой и одеждой местные, особенно женщины. Когда пленных гнали на работы, они выходили на обочину дороги и отдавали им все, что у них было.

Но, пришло новое, хотя и ожидаемое несчастье – однажды утром мы увидели, что вокруг все бело - выпал первый снег. Привычной команды на построение не последовало, по-видимому, начальство решало, что с нами делать. Мы лежали, прижавшись друг к другу, пытались зарыться в солому, однако, давно уже продрогли "до костей". Принесли котлы с баландой, которую быстро расхватали, а через некоторое время последовала команда строиться. Мы не поверили ушам, думая, что ослышались. Те, кто был босиком, рвали свои лохмотья и наскорою руку создавали из них обувь, подкладывая под ноги тертую солому. Некоторые, схватив пучок соломы, подстилали ее себе под ноги в строю. Пошел мелкий снежок с дождем. Колона двинулась в сторону городка. Вскоре тучи рассеялись, выглянуло солнышко, осадки прекратились, стало теплее. Снег растаял и дорога стала как месиво. Многие потеряли импровизированную обувь и шагали совершенно босые по ледяной грязи.

Местные жители следили за нашими перемещениями и как по тревоге, в который раз спешили нам на помощь, отдавая несчастным, что можно для хоть какого-то утепления ног. Но случаев обморожения после этого было немало...

В последние дни я стал плохо себя чувствовать. Появилась головная боль и боль в левом боку грудной клетки, повысилась температура. Я боялся самого страшного – сыпного тифа, зная, что при таком истощении излечиться почти невозможно – в этих условиях это заболевание протекало очень тяжело, с большой смертностью. К тому времени в Гайсине, в сыпнотифозном изоляторе для пленных от сыпного тифа умирали многие, даже среди медиков умерли врач и фельдшер...

Глава 5. ГАЙСИНСКИЙ ИЗОЛЯТОР ДЛЯ СЫПНОТИФОЗНЫХ И БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ

Меня поместили в изолятор для пленных, где содержали больных с подозрением на сыпной тиф. Охрану изолятора осуществляли румыны, венгры и "свои" – предатели-полицаи. Больных снабжало продуктами местное население Гайсина и окрестных сел. К этому времени в изоляторе, несмотря на дичайшие условия содержания, сформировалась группа отчаянных и преданных Родине людей: врачи Николаев З.А., Герасимович П.Г., Филоненко А.И., Забияко А.А. Мясников Н.В., фельдшер Сученко В.А., Хохлин И.Т., к которой принадлежал и я. В эту группу привлекались после проверки некоторые выздоравливающие. Созданная группа ставила главной своей задачей разоблачение предателей. Естественно, в условиях плена никто никогда не составлял список этой группы, но каждый из нас чувствовал, что обязан вкладывать частичку своего труда во имя грядущей победы над ненавистным врагом.

Однако, были и другие. Один из них, типчик по имени Гриша (фамилии не помню), который ненавидел советский строй. Он попал к нам в изолятор с подозрением на сыпной тиф, но уже с нелицеприятной для него устной характеристикой. Поэтому немецкому врачу, который курировал наш изолятор он был представлен как симулянт. И был сразу отправлен в работающую команду по ремонту дороги. Я больше его не видел, но рассказывали, что через некоторое время его уже было не узнать по внешнему виду и убеждениям. Палочная дисциплина и тяжелый труд с утра до вечера на голодном пайке мигом вышибли дурь из его головы и теперь он поносил, как мог немецкие порядки.

Каждый из нас, медиков, находясь в плену знал, что он обязан делать все для облегчения страданий раненых и больных товарищей. В первые дни плена были случаи, когда можно было без особого риска и труда уйти из лагеря, когда многие женщины под разными предлогами уводили с собой пленных. Этим могли воспользоваться и мы, медики, но понимая, что без нас и элементарной медицинской помощи людям в плену будет намного хуже, мы не имели права оставить товарищей. Скажу без колебаний – я и сейчас бы не бросил своих и не воспользовался такой возможностью удрать из лагеря.

Находясь в подпольной группе сопротивления, мы выполняли разные задания. К этому времени нам в изоляторе удалось установить тесную связь не только с медработниками райбольницы и аптеки, но и с активистами городского подполья. Мы ставили перед собой и другие конкретные задачи – сохранение проверенных и преданных Родине военных специалистов под видом больных и

санитаров, разоблачение предателей, оказание медицинской помощи раненым и больным, моральная поддержка ослабленных. Нытиков, не верящих в нашу победу, как правило, не трудно было вернуть на путь истинный. Даже на первых этапах успешных военных действий германских войск некоторые офицеры Вермахта переставали верить в победу Германии. Еще в первые дни моего пребывания в плену в Головановске как-то ночью в наш барак, где содержался командный состав, в т.ч. врачи, зашел немецкий офицер и заявил: "Если к Англии присоединится Америка и тоже объявит Германии войну, Германия войну проиграет". Затем он развернулся и тут же вышел...

После возвращения из Кропивное я с каждым днем чувствовал себя все хуже. Вначале мне казалось, что это связано с сильно стрессовой, как сейчас говорят, обстановкой за время пребывания в Крапивное. Однако, несмотря на возвращение к своим в относительно лучшие условия содержания, я быстро потерял аппетит, затемperaturил, выросла боль в левом боку грудной клетки и появился кашель с одышкой. После физикального обследования (о рентгене в тех условиях можно было лишь мечтать) мои коллеги установили, что у меня левосторонний экссудативный плеврит. Я отдавал себе отчет, что сам по себе плеврит – явление редкое, которое чаще всего сопровождает другую патологию легких, особенно туберкулез, как его осложнение. В моем случае плеврит сыграл относительно положительную роль, как механизм самозащиты. Известно, что в природе среди людей, да и в мире животных и растений покой создает благоприятные условия для заживления. Думается, что длительное сдавление легкого экссудатом в плевральной полости, который сохранялся у меня около 6 месяцев, привело к заживлению процесса в самом легком. И здесь нет никакой загадки. Именно на принципе покоя основано лечение туберкулеза легких методом наложения искусственного пневмоторакса или пневмоперитонеума (в народе поддувание). Разумеется, бесследно такое лечение не проходит. Остаются рубцовые изменения, которые в жизни больного периодически дают о себе знать. Даже теперь, спустя много лет, задолго до предсказания метеорологов, я предугадываю изменения погоды.

С каждым последующим днем наша группа сопротивления оказывала все возрастающее влияние не только на вновь поступающих в изолятор больных, но на местное население. Эта задача облегчилась со времени, когда один из пленных, врач Забияка Анатолий Алексеевич дал немцам согласие работать главным врачом района (гебиц-арцт). Он был освобожден из лагеря и уже не являлся пленным, но постоянно общался с коллегами в лагере военнопленных, помогал спасению многих больных и раненых, находящихся в изоляторе и лагере, наладил нам регулярное снабжение перевязочными материалами и медикаментами. Конечно, это грозило ему разоблачением и последующей быстрой расправой – казнью. Поэтому надо было действовать так осторожно, чтобы никто не мог заподозрить его в нелояльности к "новой" власти. Он же всегда был спокоен и постоянно находился в приподнятом настроении, всегда улыбаясь, подбадривал других. Анатолию Алексеевичу удалось конкретизировать и совершенствовать формы нашей работы. Были выделены медсестры райбольницы и аптеки, ответственные за регулярное снабжение медикаментами и перевязками для пленных в лагере и изоляторе, организован сбор ветоши среди населения для изготовления перевязочного материала. Было важным и то, что через Анатолия Алексеевича, по службе постоянно контактировавшего с немцами, мы получали сведения о ближайших намерениях

городской управы, всегда с нетерпением ждали его прихода и с жадностью слушали сообщения о том, что творится на фронте и вокруг нас.

И все же он был иногда крайне неосторожен, за что спустя время жестоко поплатился. Незадолго до освобождения Гайсина нашими войсками его схватили гестаповцы и после мученических пыток расстреляли. После освобождения Гайсина удалось отыскать место его захоронения и останки. Пытаясь, фашисты вбили ему в кости черепа в большом количестве мелкие гвозди, ногтевые ложа пальцев рук и ног были обуглены. Жестокость расправ оккупантов с подпольщиками и населением вызывала ненависть и готовность борьбы не на жизнь, а на смерть. Примером могла служить щуплая на вид, но неутомимая и бесстрашная Дора Борисовна Скокодуб. Ей удалось через Володю Сученко уводить из лагеря наших людей и сперва прятать их дома у себя и подруг, а затем, снабдив документами, переправлять в партизанские отряды.

Местное подполье поставило перед собой задачу в день приезда в Гайсин главного палача Украины Коха взорвать его резиденцию и уничтожить его вместе со свитой. Но, увы! Среди подпольщиков оказался предатель, основной состав городского подполья был схвачен и подвергся пыткам. Выследили и Дору Борисовну, которую вместе с другими подпольщиками казнили. Оккупанты беспощадно расправлялись с населением и при малейшем сопротивлении расстреливали несогласных с режимом, угоняли многих в Германию и увозили материальные ценности.

Весной 1943 года к нам в лагерь прибыло пополнение пленных из района Днепропетровска, который становился уже прифронтовым городом. С этой группой прибыл врач по фамилии Сихашвили. Сейчас уже стерлась память о том, как он выглядел, но было ему лет 30, среднего роста, худощав, с седеющими волосами. Почему-то он сразу вызвал у меня неприязнь и настороженность. Он почти открыто пользовался у немцев привилегией и мог уходить из лагеря в город без охраны, иногда даже не ночевал в лагере. Через некоторое время наши опасения подтвердились. Чешский врач Коваржик, который продолжал обслуживать немецкий гарнизон, сообщил через операционную сестру Галину Владиславовну Кирилук, что на имя коменданта лагеря поступило письменное донесение от Сихашвили о том, что врач Кшановский является посредником в передаче перевязок и медикаментов для партизан. Накануне я действительно участвовал в передаче перевязочного материала из аптеки. Но Сихашвили указал лишь мою фамилию, очевидно, избрав пока лишь меня в качестве жертвы. Коваржик настоятельно советовал мне исчезнуть. Но как и куда?!

И все же я "родился в рубашке". В тот день, под вечер последовало распоряжение погрузить и отправить в неизвестном направлении группу выздоравливающих пленных. Мои товарищи пристроили меня к этой группе, нас погрузили в переполненные товарные вагоны и через некоторое время состав тронулся, увозя нас в неизвестность. Разместиться в вагонах можно было лишь под стенками, ибо в центре вагона стояла параша. Ночью мы не спали, думали о возможности побега, потому что были наслышаны о случаях, когда по пути следования поезда партизаны освобождали пленных. Через щели вагона удалось установить, что состав движется в сторону Шепетовки. Утром наш путь закончился на станции Славута, где нас высадили и построили в колонну, которая проследовала на околицу города, где на территории бывшего военного городка расположился большой концентрационный лагерь, в котором были сконцентрированы десятки тысяч военнопленных.

Глава 6. СЛАВУТА – ПОСЛЕДНИЙ КЛОЧОК РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Славута – один из наиболее красивейших районных центров Хмельниччины. Он расположен на реке Гарень, вблизи одноименной железнодорожной станции. Особенно он привлекателен весной и летом. Здесь, почти в центре городка большое красивое озеро, довольно широкие улицы, зеленые лужайки, аккуратно подстриженные кустарники, своеобразно построенные частные домики и множество зеленых насаждений по обочинам дорог. В городе стекольный, толевый и строительно-фаянсовый заводы, маслозавод и старинный пивзавод, бумажная и мебельная фабрики, лесхоз и прочие более мелкие производства. Роскошны окрестности городка, а вдали устремились во все стороны безкрайние разнолиственные многолетние леса. На окраине города находился источник минеральных вод, где до войны планировалась постройка санаторного комплекса.

Теперь же, эта жемчужина оказалась оккупированной фашистами, которые превратили город здоровья и процветания в огромный концлагерь, где доминировали голод и казни непокорных с режимом тирании. Днем и ночью проводились облавы на евреев, подпольщиков и молодежь, которую, словно животных, загоняли в товарные вагоны, увозя на Запад.

Сквозь просветы между деревьями просматривалось отдельное здание, в котором, как оказалось, до фашистского нашествия размещался военный госпиталь. Нас разместили в отдельном строении – на оборудованных нарах – сколоченных досках в два этажа. Счастливыми оказались те, у кого доски нарах оказались ровными и гладкими и не такими бугристыми, что на них невозможно было спать. Ведь все мы были истощены, на коже образовались пролежни, которые никто не лечил и которые гноились и длительно не заживали, а нередко в них образовывались черви. Мы, медики, не в состоянии были помочь таким товарищам, ибо не было у нас ни перевязочного материала, ни дезсредств. К счастью, было еще тепло, и весь день больные лежали на солнце с открытыми ранами, на которых мухи становились лекарями – они, поедая червей, очищали раны. Даже мы, врачи, порой не могли оказать друг другу медпомощь - Захарию Николаеву после ранения с открытым переломом костей нижней трети предплечья и с последующим длительно текущим нагноением раны невозможно было сделать элементарную обработку раны, он ежедневно с нетерпением ждал дня, когда солнечные лучи пробуждали ткани раневой поверхности к жизни.

Лагерь был обнесен колючей проволокой в несколько рядов и посторонних охрана не допускала даже на близкое расстояние, а о передаче населением продуктов или вещей не могло быть и речи. Как и в Гайсине, здесь выдавали трижды в день по 500 грамм баланды и на день 200 грамм суррогатного, с примесью опилок хлеба, который можно было проглатывать, только запивая баландой или водой. Но, изобретательность пленных проявилась и здесь. Территория лагеря была в зарослях трав, особенно буйствовал пырей. Мы вырывали эти травы с корнем и, тщательно очищали их от земли, промывали и резали на мелкие части, а затем сушили на солнце, растирали в порошок и добавляли воды, если была – соль, делая из них лепешки, которые запекали на листке из жести. Я тоже освоил это искусство и надо признаться – блюдо нравилось больше, чем суррогатный хлеб. Единственную реальную помощь нам оказывали рабочие команды, которые ежедневно формировались на погрузки

сельскохозяйственных продуктов. Им удавалось иногда нагружать съедобным не только полными карманы, но и перевязав рукава рубашек, наполнять их горохом и любым съестным, которое попадало под руку. Такие вольности со стороны немцев позволялись не потому, что они подобрали, а лишь потому что осенью 1943 года немцы более трезво стали оценивать сложившуюся обстановку на восточном фронте. Лагерная охрана стала лояльнее относиться к нам, уменьшились случаи произвола, массовых избиений и расстрелов. Больше того, в Славутском лагере скопилось большое количество медиков, которых решили изолировать в отдельный барак.

Наряду с этим, почти ежедневно, наш лагерь, да и барак медиков, стали посещать власовцы, которые усиленно агитировали нас вступать добровольцами в армию Власова. Как-то запомнился, вызывая восхищение, бесстрашный поступок одного из наших, врача Михайловского, который в присутствии немцев заклеил позором изменников. Обладая даром красноречия и логическим мышлением, он высмеял их со злой иронией. Дело было так. Власовский офицер в сопровождении вооруженного полицая пришел на построение пленных перед бараками, для их агитации с целью перехода на сторону немцев. Его выступление перешло в диалог между ним и нашим доктором Михайловским, который происходил на повышенных тонах, а вскоре доктору беседа удалось превратить в стихийно возникший митинг, на котором в порыве гнева и возмущения прозвучала достойная отповедь изменнику, с предупреждением, что если власовцы не одумаются, то неминуемо после нашей победы встанут перед судом и будут сурово наказаны. Агитатор и охранник вскоре ретировались, а спустя небольшой промежуток времени власовцы из лагеря вовсе исчезли.

По существу наш барак медиков-единомышленников в лагере Славута стал являться советской колонией на оккупированной территории. Угрозы гестаповцев, что мы в Германии все сгнием от холода и голода, успеха не имели и мы радовались нашему высокому моральному духу. За это время в Славуте я сблизился с уже немолодым бригадным врачом Чурбаковым Тихоном Николаевичем. Вскоре меня ждала приятная новость – с очередным эшелоном пленных прибыли мои давние товарищи по Гайсину – Николаев, Герасимович и Сученко. Мы отдавали себе отчет в том, что обстановка на фронте меняется не на пользу немцев и рано или поздно, а скорее всего, со дня на день нас отправят подальше, в Германию. По-видимому, наша отправка несколько задерживалась – фашистам нужно было успеть вывезти на запад все, что можно, ценное - скот, сельхозпродукты, людей, даже чернозем. Вблизи лагеря нам приходилось наблюдать, как почти ежедневно разыгрывались трагедии отправки населения на каторгу в Германию. Женщин и мужчин, преимущественно молодежь, под дулами автоматов выстраивали колонной и в сопровождении плачущей толпы родственников гнали на погрузку в товарные вагоны. Для этой цели привлекалась охрана лагеря. Обычно в ранние часы прибывающие группы людей строили колоннами, а в час отправки появлялся духовой оркестр, который игрой старался заглушить рыдания родных и близких.

Как-то мне довелось быть свидетелем такого случая. Команда музыкантов прибыла на место задолго до формирования на отставку очередной команды и ее расположили рядом с нашим лагерем, где уже скопилось большое количество преимущественно пожилых женщин, провожающих своих детей на чужбину. По прихоти начальства оркестр начал играть заранее и в нем ведущая роль принадлежала барабанщику. Вдруг из толпы выскочил один из мужчин и в

порыве гнева ударил барабанщика кулаком в лицо, сбив того с ног. "Виновник" быстро ретировался в толпе, а провожающих оцепила полиция и отогнала далеко в сторону. Второпях, уже без сопровождения оркестра, была сформирована колонна молодежи, которую ускоренным маршем погнали на станцию.

Однажды Чурбаков сделал мне неожиданное предложение – бежать из лагеря. Дело в том, что Тихон Николаевич случайно увидел среди охранников лагеря своего бывшего санитар и ему удалось убедить его в необходимости ухода к партизанам. Бежать решили Чурбаков, Николаев и я, прихватив охранника с оружием. Был разработан план побега. К счастью, Николаев неплохо знал окрестности Славуты - его полк до войны располагался в этом районе. Вскоре полицей-санитар назначил день побега, который должен был состояться во время его дежурства, в час ночи. Он заранее показал место, где спрятаны кусачки для перерезки проволоки – они были завернуты в тряпки и вместе с ножом зарыты у наружной стены барака, у его выхода.

Наступил час побега. Каждый мысленно еще и еще раз продумывал все его подробности, даже не думая о возможности провала. Мы нередко смотрим приключенческие фильмы - детективы, где побеги из тюрьмы или заключения, заурядное дело. Но уверен, что даже опытный и мужественный человек, совершающий побег, ощущает накануне волнение, зная, что его в любую минуту поджидает смертельная опасность. Мы в те минуты сравнивали себя с разведчиками, идущими на смертельный риск.

Выходили с барака по одному. Первым открыл двери и вышел Чурбаков, который должен был отрыть в земле кусачки. Вторым пошел Николаев, затем я. От барака до проволоки ограды было примерно метров 50-60. Несколько беспокоило, что колючая проволока в три ряда и средний ряд состоял из витых колец, что значительно затрудняло нашу работу. Накануне мы испытали кусачки и оказалось, что перекусывание проволоки – задача не из легких, ибо их ручки коротковаты. Но мы при помощи трубок удлинени их, решив и эту задачу. По-пластунски преодолели расстояние до провочных заграждений. Ночь оказалась темной, небо заволочло тучами, с востока дул прохладный ветер, но дождя не было. Каждый из нас радовался, что нашему успеху способствует даже природа.

Но, что-то случилось и Чурбаков, доползший до проволоки и коротко переговорив с нашим охранником, неожиданно развернулся и дал знак возвращаться. В бараке мы ждали расправы, но, к счастью, этого не случилось. Чурбаков рассказал, что охранник заявил, что передумал бежать с нами, но ради своего бывшего начальника готов выполнить обещание при условии, что покажет свою преданность и бдительность начальству, застрелив одного из нас. Чурбаков без колебаний отверг такой вариант и дал нам команду возвращаться. На удачу, все закончилось без тяжелых последствий для нас.

Расскажу еще о двух невероятных по своему замыслу попытках побегах. К нам, медикам, был определен молодой доктор лет 27, выше среднего роста, блондин, с длинными вьющимися волосами, зачесанными назад. Он был подавлен, очевидно, тяжелыми условиями содержания в плену, а попал он в плен за несколько дней до нашего прибытия в Славуту. Он пока еще не прошел фашистской обработки и выглядел довольно опрятным, в новой шинели, с ручными часами, в добротных хромовых сапогах. На первых порах его вид вызывал недоверие и мы остерегались контактов с ним, ибо знали, что немцы и полицаи, как правило, сразу снимали с наших офицеров хорошую обувь, вместо

которой выдавали деревянные колодки или оставляли вообще босиком. Забирали часы, портсигары и все более-менее ценное. Поэтому появление элегантно одетого офицера вызвало недоверие к нему. Вскоре он рассказал о последних успехах Красной Армии на фронте и об огромных потерях немцев, а со временем наша настороженность по отношению к молодому врачу прошла. Прошло несколько дней и мало кто уже узнавал молодого красивого врача по имени Саша – его новую шинель забрали, а вместо нее появилась старая и поношенная, вся рваная. Красивых часов как не бывало, а добротные сапоги заменились на старые солдатские ботинки. Саша стал таким же, как и мы. Однажды, после получения баланды, кто-то из нас заметил, что несколько вдалеке от нашего лагеря, от опушки леса по безлюдному полю в направлении лагеря идут четверо. Когда они приблизились, мы увидели, что один, идущий в центре, держал руки за спиной, а двое по бокам были в немецкой форме с автоматами. Четвертым был высокий худой офицер, идущий сзади. Кто-то из наших крикнул, что это ведут нашего Александра, хотя узнать его было очень трудно – весь избитый, с кровоподтеками и ссадинами на лице, со связанными назад руками, в грязи с головы до ног. Его остановили перед оградой лагеря, строго перед нашим баракком, оставив под охраной двух охранников, а сопровождающий его офицер направился к зданию коменданта. В нашем бараке насчитывалось человек 100 медиков и все мы ринулись к проволоке, но последовала команда – отойти назад. Помочь Саше было невозможно и мы с ужасом думали что его ждет, ощущая глубокое, до слез сожаление. Рядом со мной стоял мой друг и помощник Сученко Володя, который со слезами на глазах отвернулся и отошел в сторону. Прошло несколько томительных минут и, наконец, показался комендант лагеря вместе с офицером, который привел Сашу. Они медленно приблизились и комендант обнажил пистолет. Разговоры между нами прекратились, наступила тревожная тишина. Саша увидел коменданта, когда тот уже остановился рядом с ним. Но расстрел не состоялся – Сашу увели в карцер – темный цементный мешок, где продержали несколько дней, вышел он оттуда похожим на старика с едва передвигающимися ногами.

Как и следовало ожидать, Саша отважился на побег, но его предал полицай из охраны, который исполнял обязанности ассенизатора, на вид с врожденной патологией – с маленькой головой (микроцефал), как оказалось с умственной неполноценностью, при нормальной длины конечностей и обычном туловище. Полицай прельстило то, что у Саши были новая шинель, сапоги и хорошие часы – оказывается, вот куда они делись, - их взял как задаток ассенизатор, пообещав взамен свободу. Саша согласился и события развивались следующим образом. В обед, когда все ушли за получением порции баланды, полицай подъехал с тыльной стороны уборной, усадил Сашу в бочку с нечистотами и повез его в направлении леса, где в яру была мусорная свалка. Казалось, все просто и надежно, свобода близка. Но, на месте выгрузки нечистот их ждал офицер и охранники. Конечно, можно было удивиться Саше, что он доверился такой личности.

Славута была последним на территории Родины транзитным лагерем на пути в Германию. Все понимали, что на чужой территории осуществить побег почти невозможно и люди пытались использовать любые возможности для побега, чаще всего – в работающих командах, при погрузке в вагоны разных ценностей или на других работах.

А, Сашу вскоре, с группой ”провинившихся” под усиленным конвоем отправили в Германию.

Еще один случай неосуществленного побега, о котором мне поведали уже после войны. Во втором блоке размещался "Гросслазарет Славута 301." Там, за оградой из многорядной колючей проволоки можно было видеть огромное количество истощенных, одетых в лохмотья больных и раненых пленных, которые временами пытались греться на солнышке. В этих условиях группа пленных во главе с врачом Романом Лопухиным начала подготовку к осуществлению дерзкого замысла побега – был сделан подкоп на глубине 2,5 метров и прорылся тоннель протяженностью 85 метров для массового побега из лагеря. Нет необходимости воспроизводить повествование Юрия Соколова "Побег" – был военный лет, напечатанное в журнале "Наш современник", №2, 1982 г., где подробно описываются огромные технические сложности при сооружении этого тоннеля. Трудно даже представить себе, как люди могли соорудить сложное сооружение без технических приспособлений и крепления, при крайнем истощении, нередко теряя сознание в подземелье. И все же тоннель был построен к ноябрю 43-го. Впоследствии немецкий генерал, который по фотографиям ознакомился с этим сооружением, признал, что по инженерному замыслу подобного в истории этой войны еще не было.

В назначенную для побега ночь были готовы 130 пленных, однако, осуществить его не удалось. Ночь оказалась лунной и ясной, а при хорошей видимости охрана легко могла обнаружить и перебить всех беглецов. Дождавшись следующей, уже темной ночи, Лопухин, а вслед за ним его товарищи ринулись в подземный ход. Но, как это бывает, в группе оказался предатель по фамилии Бринь, который был во второй группе беглецов и когда он выполз наружу, то сразу поднялся во весь рост и побежал навстречу охранникам. Поднялась стрельба, движение в тоннеле остановилось и прозвучала команда возвращаться...

Мы не теряли надежды на возможность побега или освобождения нас партизанами, мысленно, а нередко вслух завидовав летающим над головами птицам и пели песню – "Чому я не птыця, чому не летаю..." Но, с каждым днем приближался день нашего угона в фашистскую Германию.

Глава 7. ДОРОГА В ГЕРМАНИЮ

В первых числах октября 1943 г. прошел слух, что командыванию лагеря известно о подготовке нашего освобождения партизанами, действующими в прилегающих лесах. Подтверждением этого стал повторный осмотр барачков, в т.ч. нашего – обшаривали все нары, полы и закутки, у каждого проверяли одежду – пытались найти колющие и режущие предметы. Стало ясно, что нас готовят к отправке в Германию. Последняя ночь выдалась на редкость темной и теплой, небо заволочило тучами, на горизонте засверкали молнии. С запада повеяло ветерком, запахло дождиком. Сама природа создавала все условия для побега и многие из нас не спали, ворочаясь с боку на бок от нервного перенапряжения. Рядом со мной лежал мой друг по совместной учебе в мединституте г. Сталино (ныне Донец) Петр Григорьевич Герасимович, который в свое время был направлен на учебу в институт как парттысячник.

Неужели, - высказался он, - и эта ночь не принесет нам свободы?! Но, наши надежды не осуществились. Утром, на построении все пленные были предупреждены под угрозой расстрела, что необходимо сдать все режущие предметы. Вновь на плацу всех проверили и перестроили в колонну по 4, а всего в ней оказалось около тысячи человек. Вокруг нас выстроился конвой,

состоящий теперь уже только из немцев, вооруженных автоматами. По прибытию на станцию нас тут же начали грузить в товарные вагоны, а затем состав сразу тронулся. Через щели в вагонах можно было определить, что нас везут по территории Западной Украины, где активно действовали партизаны, но с удалением на запад, к бывшей границе Родины, призрачные надежды на освобождении партизанами померкли.

Людям приходилось лежать на голом деревянном полу и спасаясь от холода, проникающего через щели, они прижимались друг к другу вдоль стен вагонов, ибо в центре стояла параша. Мы двигались на северо-запад и наши страдания от холода постепенно усиливались, а когда поезд пересек границу Германии, которая была близка к Атлантике, по ночам была уже зимняя стужа. Через несколько дней пути поздним туманным утром состав прибыл на станцию Гофельгоф. Часть здания вокзала было разрушена и около разрушений устанавливали укрепления в два этажа, а в стороне виднелись глубокие воронки и кучи завезенного щебня. К станции примыкал смешанный лес, к которому вела узкая асфальтированная дорога. Было пасмурно, моросил холодный мелкий дождь. Из здания вокзала доносился звонкий детский говор и смех. Мы смотрели через щели вагонов на перрон, по которому торопливо проходили люди под зонтами. Туман постепенно рассеялся, дождик прекратился и выглянуло солнышко, наступал ясный день. К нашим вагонам долго никто не подходил и мы ожидали сигнала для дальнейшего следования поезда. Неожиданно к дверям наших вагонов подскочили немцы в военной форме, далеко уже не молодого возраста, вооруженные винтовками. Нас быстро выгрузили, построили в колонну направлением к лесу и еще не последовала команда "марш", как из здания вокзала шумной ватагой выскочили дети школьного возраста в форме гитлерюгенда, которые подбежали к куче щебня и быстро наполнили им карманы. Затем подростки подбежали к нам и начали забрасывать нас камнями с небольшого расстояния. Мерзость сия была беспредельной. Дети не просто забрасывали нас камнями, каждый из них стремился, подбегая вплотную, более точно попасть каждому из нас в голову.

Мы не ждали гостеприимства, отдавая отчет в том, что нас тут ждет каторжный труд в условиях голода и холода. Но никто не допускал даже мысли о столь жестокой встрече. Мы голыми руками старались хоть как-то защитить наши лица и головы. К счастью, снова начался дождь и ненастье помешало ватаге наслаждаться и дальше. Мы уже не раз испытывали беспредельную жестокость немецкой охраны, в которой служили уже зрелые военные люди, но было невозможным даже представить себе, что фашисты в таком же духе воспитывают своих детей. К счастью, серьезных повреждений от детской "бомбардировки" мы не получили. Через лес, по узкой асфальтированной дороге колонна пленных под крики конвойных "Вперед, быстрее, быстрее" двигалась все интенсивнее, чтобы хоть так немного согреться. Оборванная одежда промокла вся до нитки и продрогшие, мы сами ценой невероятных усилий ускоряли шаг, чтобы как-то греться.

Даже мне, врачу, трудно было себе представить пределы человеческой выносливости в условиях хронического голода и холода, постоянного недосыпания и морального угнетения, под угрозой физической расправы. Наша колонна по сей день стоит перед глазами: молодые ребята 20-30 лет, выглядевшие стариками – вытянутые, морщинистые, серого оттенка лица с глубоко запавшими глазами и редко мигающими веками, с синевой и отеками

под глазами. Кажется, что мы шагаем частыми шагами, но передвижение наше медленное, шаркающей и пошатывающей походкой, с опущенной головой...

Лес остался позади нас, а впереди и несколько справа открылись взору ряды длинных деревянных построек барачных, обнесенных оградой из колючей проволоки в несколько рядов. Снаружи, по углам ограды возвышались деревянные вышки с часовыми и установленными наверху пулеметами.

Глава 8. 326 ЛАГЕРЬ

Почва на территории самого лагеря и его окрестности была глиняно-песчаной, с росшими отдельно небольшими кустарниками, что само по себе создавало довольно неприятное впечатление. На территории лагеря размещалось множество барачных, друг от друга изолированных колючей проволокой в один ряд и с проходами в ней. В каждом бараке были устроены нары в два яруса. Размещение пленных на нарах было произвольным, но каждый знал свое место, которое занимал, а поменять его мог по взаимному уговору с соседями. Несколько в стороне от входа, спереди находился санпропускник. Слева, тоже при входе на территорию лагеря - в одном из барачных размещалась санитарная часть для проведения срочных медицинских манипуляций, изоляции температурающих и их санитарной обработки. Дальше рядами выстроились бараки для пленных. С правой стороны от входа находилось капитальное строение комендатуры с охраной и другими службами.

Вновь прибывших, как правило, в тот же день пропускали через санпропускник, где люди мылись под душем, а вся старая одежда сдавалась в дезкамеру. После санобработки все направлялись на общих основаниях в бараки лагеря, в одном из которых размещалась кухня. После длительных мытарств в дороге мы были крайне истощены и, как ни странно, нас "пожалели" подведя к кухне. За время продолжительного следования от Славуты до лагеря в Германии это был первый прием пищи и мы были удивлены тем, что нам выдали кроме куска черного с суррогатом хлеба, порцию горохового супа с мясом, которое поступало из питомника, где немцы разводили бурых лисиц. Мы, с трудом держась на ногах, поочередно получали порции, в изнеможении садились на землю и прислонялись друг к другу спиной, жадно ели. Я, получив порцию, прислонился к деревянному столбу, на котором крепились колючая проволока между бараками, повесил котелок на ее зубец и приготовился кушать. Но, поскользнувшись, я толкнул этот столб и котелок, слетев с зубца, перевернулся и упал на землю вверх дном. Ноги мои задрожали и теряя равновесие, я снова поскользнулся и упал на живот рядом с котелком. Рефлекторно наступил спазм голосовой щели и появилась резкая одышка, тело покрылось холодным потом, а по лицу покатались слезы обиды. Рядом послышался смешок, короткий тут же прекратился. Я попытался встать, но голова закружилась и я вновь рухнул на землю. Помогли рядом стоящие товарищи - подняли и усадили меня на какую-то тряпку, у того злосчастного столба, где я упал. Не могу вспомнить большего нервного потрясения чем тогда, хотя и в дальнейшем мой жизненный путь был не таким уж легким. Возможно, сыграл свою роль голод. Мое положение усугублялось еще тем, что в возникшей сутолоке за получением порции пищи, когда вообще не соблюдалась очередь и каждый из нас боялся остаться без еды, я потерял друзей.

Вдруг набежали тучи, вокруг потемнело, сверкнула молния, загредел гром, а спустя пару минут начался проливной дождь. Выдачу пищи прекратили. Все,

кто получил порции, ринулись под навес рядом стоящего барака, а остальные остались под ливнем, ожидая возобновления выдачи еды. К счастью, дождь быстро прекратился и настыпила духота, лагерь затянуло сплошным сизым туманом. Голода я не ощущал, по-видимому, сказало его длительность. Чувствовалось чрезмерное изнеможение – слабость, головокружение, хотелось спать. Тем временем стоящий возле меня совсем не знакомый пленный поднял мой котелок и обошел с ним стоящих вокруг товарищей, взяв от каждого по ложке супа, таким образом восполнив мою потерю. В варварских условиях плена, когда каждый был на грани смерти и каждый грамм пищи мог сыграть решающую роль в сохранении жизни, чувство товарищества оказалось сильнее голода.

Для предупреждения возникновения эпидемии инфекционных заболеваний на своей территории немцы вновь прибывших подвергали тщательной санитарной обработке. Вот почему в тот же день всех нас после еды отправили в баню, а одежду забрали на обработку в дезкамеру.

Физическое и нервное истощение и здесь сыграло со мной злую шутку. Пошатываясь, я неуверенно вошел в баню, остерегаясь повторного падения. Подстраховать меня было некому – я так и не нашел своих друзей по Гайсину и Славуте. И вот в бане, на деревянной решетке я вновь поскользнулся и падая, загнал под ноготь большого пальца правой ноги деревянную занозу, часть которой мне удалось удалить, но ее остаток глубоко вонзился под ноготь и попытки его достать оказались безуспешными. Не помню, как я домылся и как добрался до барака, но к вечеру палец стал отекающим и красным, в нем появилась пульсирующая боль. Нам, медикам, известно, что даже такая, казалось пустяковая травма, может иметь серьезные последствия, если вовремя не удалить грязную занозу. Появление же отека, красноты и пульсирующей боли свидетельствовали о начале острого воспалительного процесса и о необходимости быстрого оперативного удаления занозы. Но, где и как?!

Вдруг в барак вошел молодой парень и спросил, нет ли среди вновь прибывших больных. Его подвели ко мне. Он назвался фельдшером из санитарного пункта лагеря и велел идти за ним.

Организатором, по сути – главным в санитарном пункте был врач-хирург Алексеев Иван Гаврилович, высоко эрудированный специалист в области хирургии, хороший организатор и бесстрашный патриот. Трудно поверить, но в условиях жесточайшего лагерного режима Иван Гаврилович делал все так, как считал нужным для облегчения страданий пленных. Через своих помощников он активно выискивал среди нас наиболее истощенных, с разными ранениями и болезнями. Он сумел доказать коменданту лагеря необходимость создания изолятора, где-то доставал перевязочный материал, сам оказывал посильную хирургическую помощь. Он нашел особый подход к охране лагеря, которая не вмешивалась в порядки санитарного пункта, состав которого не превлекался к уборкам территории и к другим хозработам. Но, главное – он осторожно, но активно выискивал надежных людей среди командиров, политработников, евреев и прятал их в изоляторе с диагнозом ”открытая форма туберкулеза”, а затем переправлял их в более надежное место – туберкулезный изолятор в Штампале. С первого взгляда Иван Гаврилович внушал глубокое уважение. Природа наделила его хорошо сложенной фигурой, глаза излучали тепло и улыбку. Говорят, по внешнему облику можно нередко безошибочно разгадать профессию человека, так было и с Алексеевым.

В тот вечер, когда меня привели в санитарный пункт, который располагался на другой половине обычного барака, Иван Гаврилович сразу осмотрел мой уже посиневший и опухший палец и принял срочные меры хирургического лечения, ибо ждать следующего дня было нельзя – мог развиться сепсис (заражение). Он убрал ноготь, извлек занозу и очистил рану вокруг. Обезболивающих не было и я по сей день не знаю, что применил доктор для обезболивания, но я пришел в себя уже после операции, лежа на нарах с забинтованой ногой. На следующий день некоторые товарищи подшучивали, что Станислава вместо наркоза накаутировали. Но полагаю, что Иван Гаврилович нашел мне небольшое количество эфира для рауш-наркоза (оглушения). По выздоровлению меня оставили работать под началом Алесеева в санпункте, для оказания врачебной помощи больным.

Ивану Гавриловичу удалось со временем установить связь с немецким антифашистским подпольем. Лучших и проверенных из числа пленных лагеря он через рабочие команды посылал на связь с подпольщиками, а затем ему удавалось формировать из них небольшие группы людей, которые переправлялись в районы сопротивления.

Глава 9. ШТАММЮЛЬ

Поздней осенью 1943 года, по рекомендации Алесеева, меня, как врача, перевели в туберкулезный изолятор, который располагался близи нашего 326-го лагеря, поблизости г. Штаммюле.

Выбор места для размещения лагеря-изолятора с острыми формами туберкулеза легких был удачным и с немецкой точностью хорошо продуманным, расположенным вдали от селений. Это была большая лесная поляна, местами заросшая кустарником, с песчано-каменистой почвой, которая была абсолютно не пригодной для выращивания сельскохозяйственных культур. Постройка лагеря началась и завершилась еще задолго до войны. Лагерь был обнесен колючей проволокой в три ряда, по его углам стояли вышки-площадки, на которых прохаживались охранники, вооруженные автоматами. Вокруг лагеря был смешанный лес, для охраны которого в ночное время выделялся дополнительный дозор, а на некотором расстоянии от лагеря, среди кустарников просматривалось небольшое озеро.

При въезде на территорию лагеря-изолятора размещалось несколько кирпичных зданий, предназначенных для комендатуры, охраны, складских помещений и других служб. Немцы успешно использовали лагерь и для учебных целей, где снаружи, за рядами проволоки отрабатывались приемы нападения на объект и его оборону.

Изолятор состоял из 17 длинных барачков, в которых туберкулезные больные размещались на нарах из голых досок без каких-либо подстилок, в 2 яруса. В каждом бараке размещалось от 100 до 120 больных, почти у каждого из которых была тяжелая, распространенная форма туберкулеза, преимущественно в фазе распада (открытые формы). За каждым бараком закреплялись один-два врача и два санитаря.

Еще до службы в армии я проходил ординатуру по заболеваниям легких туберкулезной и нетуберкулезной этиологии (происхождения) в десткой клинике Донецкого мединститута у профессора Борисова Сергея Петровича и в то время единственным надежным и верным методом лечения туберкулеза легких был искусственный пневмоторакс или пневмоперитонеум (вдувание

воздуха в плевральную или брюшную полость). Сущность этих методов заключалась в том, что введенный в плевральную или брюшную полость воздух поджимал легкое, уменьшая его объем. При этом уменьшалась функциональная активность легкого, снижалась эластичность его ткани и в нем возникал лимфогемостаз, который блокировал пораженные участки и ограничивал всасывание в кровь продуктов жизнедеятельности микобактерий туберкулеза и продуктов распада легочной ткани – создавались благоприятные условия для излечения туберкулеза. В то время широкое использование этого метода в практике спасало много жизней и приводило к высокой эффективности лечения туберкулеза. Для наложения искусственного пневмоторакса использовались аппараты разных конструкций, но все они были построены по принципу сообщающихся сосудов. Для этого использовались два стеклянных сосуда (цилиндра), емкостью каждый 0,5 литра, которые сообщались между собой резиновой трубкой. Цилиндры могли передвигаться вверх-вниз и закрепляться на определенном уровне штатива. При этом они заполнялись наполовину стерильной жидкостью и при перемещении одного цилиндра на определенную высоту под давлением перемещающейся в нижерасположенный сосуд жидкости происходило нагнетение воздуха в плевральную полость через резиновую трубку с иглой, которая была введена в плевральную или брюшную полость. Для контроля точного нахождения иглы в плевральной полости перед началом введения воздуха использовали манометр. При проникновении иглы в плевральную полость, где в норме постоянно отрицательное давление, наступало колебание давления жидкости, синхронное дыханию, которое отображалось манометром. Такова краткая схема конструкции аппарата для наложения искусственного пневмоторакса и принципа его работы. Она свидетельствует о простоте его изготовления, что было реализовано нашими умельцами в изоляторе Штаммюле. Вместо двух цилиндров использовались стеклянные флаконы из-под физраствора, которые соединялись между собой резиновыми трубками, которые легко передвигались по изготовленному деревянному штативу, при необходимости закрепляясь на определенном уровне. В качестве манометра использовали обычные стеклянные капилляры для определения СОЭ. Так была решена задача применения пневмоторакса, как единственного в условиях плена метода лечения туберкулеза легких. Это дело поручили мне и первым пациентом для наложения пневмоперитонеума стал Березнер Сергей Васильевич, ставший впоследствии моим лучшим другом. От Алексеева я получил задание не только использовать все возможные средства для спасения этого человека, но и максимально длительное время держать его в изоляторе. У Сергея Васильевича был диссеминированный туберкулез легких с множественными очагами распада. В подобных случаях без активного вмешательства, а в наших условиях - без пневмоперитонеума, почти в 100% случаев больной погибал от нарастания дыхательной и сердечной недостаточности или легочного кровотечения. Мне удалось создать оптимальных размеров газовый пузырь в брюшной полости, что подтвердил Герасимович (он имел опыт работы рентгенологом), выполнив рентген-исследование. У Березнера наверняка был поражен туберкулезом и кишечник, т.к. после первых поддуваний у него отмечалась выраженная болевая реакция со стороны живота. Это меня несколько встревожило, но я радовался тому, что удалось достичь оптимального подъема купола диафрагмы газом в брюшной полости и тем самым поджать пораженное легкое. В дальнейшем изо дня в день моему подопечному становилось все лучше и лучше. Нормализовалась

температура, улучшился аппетит, прекратился частый изнуряющий кашель, хрипов в легких стало меньше, а при контрольном рентген-исследовании отчетливо уменьшилось количество очагов и инфильтративных теней в легких. Через 6 месяцев наступило заживление каверн (полостей в легких) и мой больной стал хорошим помощником в деле выхаживания больных. Мы зачислили его в санитары моего блока. Но его психологическое состояние оставалось тревожным. Еврей, он внешне был похож на армянина – большая голова с вьющимися волосами, карие глаза, усиленный волосяной покров на теле и лице – были слишком характерными для еврейской национальности, поэтому он постоянно был на чеку – почти ежедневно выбривал не только голову, но и туловище. Во времена царизма его родители жили в Англии и по возвращению в Россию попали на жительство в Сибирь, где Сережа провел детство. Подростком участвовал в гражданской войне, да и потом жизнь его не баловала. Сергей Васильевич обладал высокими качествами организатора, отлично знал историю, философию, классическую литературу, был прекрасным и высоко эрудированным собеседником, обладал незаурядными способностями музыканта. Кажется, не было такого музыкального инструмента, на котором он не мог бы играть, но одним из любимых инструментов была балалайка, игра на которой вызывала восхищение слушателей. Его игра на ней вызывала гипнотическое воздействие даже на гитлеровцев, в какой-то мере смягчая обращение с пленными.

Прошло много лет после освобождения из плена и окончания войны. Сергей Березнер остался жив и часто приезжал с семьей ко мне на отдых в село Малиевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области, где я стал работать главным врачом областного детского противотуберкулезного санатория. Мы часто вспоминали трудные годы фашистской неволи, которые для него были особенно тягостными, ибо он не верил не только в свое выздоровление в условиях неволи, но и в то, что вообще останется жив. Судьба оказалась к нему благосклонной – семья радовалась возвращению мужа и отца с войны, у них родилась еще и дочь Оксана...

Но, чаще от фашистов мы получали порции очередных жестокостей. Однажды днем, нас, врачей вызвали к зданию комендатуры на построение. Появился комендант, который озвучил приказ – за нарушение санитарного порядка в лагере все врачи подвергаются наказанию – бегу кругами по территории, периодически с ползанием по-пластунски, затем снова бегом. Я сразу понял, что этого выполнить не в состоянии – накануне коллеги уложили меня на постельный режим сроком хотя бы на две недели из-за обильного желудочного кровотечения (открылась язва желудка), предупредив, что физические напряжения для меня смертельны. Однако, выполнить это назначение я не мог – в лагере было много больных, нуждающихся в наложении плевмоторакса и плевмоперитонеума, а эту работу выполнял лишь я и замены мне не было. И вот теперь я вынужден был решиться на обращение к коменданту лагеря с просьбой заменить мне наказание, объясняя причину этой замены. Однако, офицер не стал слушать и в разговор с просьбой замены наказания вмешался другой пленный – высокоэрудированный полиглот, владеющий в совершенстве многими европейскими языками, в том числе и немецким – Владимир Васильевич Друщиц. Однако, и это не привело к успеху – комендант вынул из кобуры пистолет и дал команду отойти, приказав мне идти в сторону – туда, где обычно осуществлялись казни. Но тут появился немецкий врач, осуществляющий контроль над туберкулезным изолятором. Друщиц

быстро убедил немецкого коллегу в необходимости замены наказания, после чего комендант придумал другое – поставил меня по стойке ”смирно” лицом к бараку. Тем временем по песчаной тропинке вокруг лагеря бегали мои товарищи. Наказание явилось довольно изнуряющим, особенно для немолодых врачей. В густой песчаной пыли люди задыхались. Герасимович в этот критический момент заметил, что скоро придет время и уже немцы будут бегать, а ползать они будут задом наперед и непременно – на спине, а не на брюхе.

Сколько я простоял у стенки барака, не знаю, но очнулся уже в бараке, на своем месте, на верхней полке нар. Потом рассказали, что стоял я довольно долго, а когда упал и потерял сознание, меня подняли и занесли в барак.

Поражения немецких войск на восточном, а затем и на западном фронте вызывали неистовство фашистов и случай наказания врачей именно с этим, а не с какими-либо санитарными нарушениями в лагере. Потери на фронте приводили и к разложению в самой Германии – летом 1944 г. было совершено неудавшееся покушение на Гитлера.

В этих обстановке требовалась тщательно продуманная тактика нашей работы в изоляторе. Надо было практически здоровых людей под разными предлогами укрывать и эта задача нашла свое решение относительно легко. При установлении диагноза – ”туберкулез легких” – главную роль играло, и даже сегодня играет, рентген-исследование. Рентгенологом в лагере стал мой старый приятель Герасимович Петр Григорьевич, коммунист из парттысячников, с которым я вместе учился в мединституте. Его роль в подтверждении наших диагнозов была решающей. Герасимович всегда отличался высокой принципиальностью и требовательностью к себе, к окружающим. Фашистов он настолько ненавидел, что иногда даже не скрывал этого. Предателей же, как рентгенолог, легко выявлял и давал им ”путевку” на ”перевоспитание” в рабочие команды.

Однажды один из больных туберкулезом из 326 лагеря передал нам информацию о том, что готовится проверка всех туберкулезных больных в нашем изоляторе и возможна засылка к нам провокатора из числа предателей. Владимир Друщиц тоже дал нам информацию, что из 326 лагеря к нам заслан фашистский осведомитель.

При очередной уборке пленными помещения комендатуры 326 лагеря один из них подобрал из мусора скомканный и исписанный по-русски лист бумаги, который после окончания работ удалось прочесть в бараке. Это оказалось донесение коменданту, в котором сообщалось, что пленные врачи туберкулезного изолятора в Штаммюле злоупотребляют доверием немцев – задерживают в изоляторе надолго совершенно здоровых, открыто ведут пропаганду против доблестной немецкой армии. Подобравший донос оказался честным человеком, который отнес бумагу на санитарный пункт доктору Алексееву, которого все знали как патриота.

Мы в изоляторе ждали передачи нам этого доноса, написанного чернильным карандашом на вырванном листке ученической тетради и хотели по почерку найти предателя. Получив передачу с доносом, мы увидели неровные строчки с отдельными недописанными словами, - чувствовалось, что осведомитель спешил. В доносе указывалась конкретно лишь одна фамилия рентгенолога Герасимовича, который обвинялся в заведомо неправильных постановках диагнозов. В действительности, так и было. Мысль о причастности к предательству одного из наших докторов была сразу отвергнута. Однако,

чтобы рассеять всякие подозрения, В.Друщиц осуществил проверку почерка доноса с почерками врачей в историях болезни, доказав непричастность к предательству врачей изолятора. Была допущена возможность предательства среди больных, но вряд ли предатель согласился бы работать на немцев, находясь среди больных с открытыми формами туберкулеза. Оставалась более вероятной возможность, что освидомитель среди пленных вспомогательных служб лагеря. Но, как его раскрыть?! Необходимо было что-то придумать, чтобы была возможность сверить почерк многих людей. Сергей Березнер внес предложение разыграть письменную викторину – образование новых слов из сочетания максимального количества букв какого-либо слова, скажем – индустриализация, коллективизация и другие. Затем предлагалась другая викторина – на грамотность. Каждый участник под диктовку писал длинное предложение из сочетания трудно запоминающихся слов. По инициативе Сергея Васильевича, подобные тренировки ума проводились в лагере нередко и раньше. Поэтому эта затея не стала неожиданностью. Однако, теперь ставилось условие, что в игре принимают участие все, за исключением больных.

Мерзавец-стукач клюнул на удочку. Им оказался недавно оказавшийся в изоляторе санитар, родом из Западной Украины.

Ночью над ним состоялся суд, на основании неопровержимых улик он сознался в предательстве и стал просить пощады. Заготовленным кляпом ему заткнули рот, на голову надели мешок и забили ударами по голове. Утром труп предателя вместе с умершими от туберкулеза вывезли за лагерь и зарыли в одну из заранее заготовленных ям.

После случившегося необходимо было серьезно продумать, как найти правильное решение в отношении тех, кого надо подольше держать в изоляторе. Дело в том, что существовало требование комендатуры, в соответствии с которым мы обязаны были каждые три месяца ”обновлять больных” в изоляторе – выписывать их в команды на работы или переправлять по этапу ”на дальнейшее лечение”. В порядке исключения разрешалось часть историй болезни представлять немецкому врачу комендатуры для решения им вопроса о рекомендации продления лечения в условиях изолятора. Роль немецкого врача играл врач, как оказалось, тоже чеш по национальности и порядочный человек, который не придирался к нам и почти всегда разрешал продлить лечение тому или иному больному. Забегая вперед скажу, что не помню случая, чтобы мы отправили кого-либо из проверенных и нужных людей по этапу.

Возникла также необходимость в проведении некоторого перераспределения больных в бараках: выделить группы, как сейчас называют, повышенного риска – с гнойными (казеозными) плевритами, с искусственным пневмотораксом и пневмоперитонеумом, другими словами попытаться создать отделение интенсивной терапии с больными, требующими повышенного внимания врачей в дневное и ночное время.

Для решения назревших и важных вопросов был организован ”закрытый совет” из узкого круга людей, в который входили: Сергей Березнер, Владимир Друщиц, Захарий Николаев, Петр Герасимович и я.

Я уже знакомил читателей с моими единомышленниками, но хочу сделать некоторое дополнение к портрету Владимира Васильевича Друщица, наиболее образованного человека в нашем изоляторе. Он был безгранично влюблен в свою специальность – палеонтологию и на эту тему подолгу с нами, да и с больными с большим увлечением беседовал. Он отлично знал отечественную и зарубежную литературу – специальную и художественную и всегда был

желанным собеседником. Кроме того, Владимир в совершенстве знал немецкий и его было решено приблизить к комендатуре, направив его туда работать, чтобы он вошел в доверие к немцам и узнавал их ближайшие намерения. А, главное – своевременно разоблачал предателей и доносчиков. Друщиц блестяще справлялся с возложенными на него обязанностями, он и меня дважды предупреждал о неминуемой расправе. После войны он возвратился в Москву, на прежнюю работу – на кафедру палеонтологии. Стал доктором наук, профессором, лауреатом Государственной премии СССР. Владимир активно участвовал в разработке научно-практических тем в области палеонтологии, продолжал готовить научные кадры.

В 1982 г. я получил от него тревожное письмо. Он писал о плохом самочувствии, повышенной утомляемости, появившейся одышке. При обследовании у него диагностировали экссудативный плеврит и несколько раз извлекали из плевральной полости большое количество жидкости (общим количеством до 10 литров). Прогрессирующее нарастание выпота особенно беспокоило, т.к. такое течение плеврита часто обусловлено злокачественным процессом. Но, через некоторое время у него наступила ремиссия – исчезла интоксикация, уменьшилось, а вскоре и совсем прекратилось накопление выпота. Он снова приступил к работе на кафедре. И вдруг весной 1983 г. я получил известие о его скоростижной смерти.

Известно, что туберкулез – инфекционное социальное заболевание. Еще в Древнем Риме знали о большой опасности контакта с больным туберкулезом, о возможности заражения туберкулезом от такого больного. Угроза заболевания туберкулезом возрастает, если люди проживают в неблагоприятных условиях – грязных, темных и холодных помещениях, при примитивном укладе жизни и быта, где нет питьевой воды и воздух насыщен влагой и пылью, куда не проникает солнце, т.е. там, где царят бедность и нищета.

Условия пребывания больных туберкулезом – на двухъярусных нарах и в сырых, продуваемых ветрами бараках, на голодном пайке из недоброкачественных продуктов стали ”благоприятными” для развития туберкулеза. У преобладающего большинства больных отмечались тяжелые формы заболевания – казеозная пневмония, которая проявлялась высокой температурой, потливостью, коротким частым кашлем с прожилками крови, а нередко – с легочными кровотечениями. Внешний вид таких больных запоминался надолго – кожные покровы серовато-землисто-го цвета, глубоко запавшие синюшно-красные щеки, блестящие глаза с часто мигающими глазами, нарастание одышки с участием в дыхании вспомогательных мышц туловища и крыльев носа. При физикальном исследовании таких больных над областью поражения легкого укорочение звука менее выраженное, чем при крупозной пневмонии, но главное – при выслушивании у них выявляется огромное количество разнокалиберных хлопающих звонких влажных хрипов. Иногда особый характер этих хрипов и высокий их тембр вызывает неприятную слуховую реакцию. Такие особенности катаральных явлений свидетельствуют о прогрессирующем распаде легких, о необратимом прогрессировании туберкулезного процесса.

Некоторые считают, что у врача в силу его специальности и повседневной работы со временем наступает притупление чувства сострадания к человеческой боли, страданиям и к самой смерти. Но, я со всей решительностью отвергаю это мнение. Как можно спокойно наблюдать, когда больного не покидает лихорадка, беспокоит изнуряющий пот, стойко держаться приступы

неудержимого кашля и когда одышка сменяется приступами удушья и больному не хватает воздуха, он напрягает все мышцы плечевого пояса и при полном сознании не может найти никакого облегчения. И только врач поневоле остается свидетелем уходящей человеческой жизни.

Но, туберкулез – инфекционное заболевание, которое не щадит ни бедного, ни богатого. Хотя, всем известно значение социального фактора в распространении туберкулеза. Вспоминая то тяжелое время продолжительного и массивного заражения туберкулезом, я неоднократно думал, что если заболею туберкулезом, то в туберкулез, как заразную болезнь можно будет верить только относительно. И действительно, в условиях ежедневного тесного соприкосновения с больными открытыми формами туберкулеза, особенно при наложении им плевноторакса или плевноперитонеума, систематического ежедневного откачивания шприцом гноя туберкулезной природы из плевральной полости, при крайнем ограничении дезсредств, когда нередки случаи, что даже нечем помыть руки – массового заболевания туберкулезом среди медиков не наблюдалось.

Объяснение невосприимчивости заболеваемости туберкулезом в подобных случаях мы находим в теории об "инфекционной", "нестерильной" природе противотуберкулезного иммунитета. Считается, что подавление туберкулезного возбудителя наступает в результате наличия ранее образовавшейся туберкулезной ткани, которая и является "базой" сохранения жизнеспособности микобактерий туберкулеза, которые обеспечивают стойкое развитие противотуберкулезного иммунитета. Это положение подтверждается в эксперименте и при клинических наблюдениях. Подавление жизнедеятельности определенной микрофлоры посредством аналогичной, но ослабленной и неопасной для жизни микрофлорой способствует развитию иммунитета – невосприимчивости к заболеванию туберкулезом.

На этом основана современная вакцинация против туберкулеза вакциной БЦЖ, которая готовится из живых, но ослабленных и по сути безвредных микобактерий туберкулеза. Многолетний опыт повсеместного внедрения в практику этого метода профилактики туберкулеза среди детей различных возрастных групп, подростков и взрослых показал высокую его эффективность. По данным разных авторов, заболеваемость туберкулезом у привитых БЦЖ наблюдалась в 7-10 раз ниже, чем в аналогичных группах невакцинированных.

Если учесть, что наши медики в силу профессии практически все были инфицированы туберкулезом или переболели им в прошлом, т.е. уже имели развитый инфекционный противотуберкулезный иммунитет, то должно быть ясным, почему среди нас в условиях даже массивного туберкулезного контакта с больными открытыми формами туберкулеза не наблюдались случаи заболевания туберкулезом.

Однажды, в том же тубизоляторе Штаммюле я довольно остро пережил еще одну психическую травму. В связи с недомоганием, слабостью и появившимся кашлем я прошел рентген-обследование легких и Герасимович объявил, что у меня в верхней доле левого легкого появился обширный инфильтрат. Я знал, что если причина этому туберкулез, то меня, как и большинство других, ждет трагический финал. В этом случае я питал надежду как на спасение только на искусственный плевноторакс.

Инстинктивно я все же чувствовал, что это что-то другое, даже не крупозное воспаление легких. Ибо, в том и другом случае следовало ожидать более выраженного клинического проявления заболевания – выраженной

интоксикации, повышения температуры и ее скачков, более выраженных местных изменений со стороны органов дыхания. Моей радости не было предела, когда буквально на следующий день при исследовании крови был выявлен высокий процент эозинофилов (до 48%) и ускоренная СОЭ. А, через 6 дней диагноз эозинофильного инфильтрата был подтвержден – рентгенологически в легких уже не было никаких патологических изменений.

Как уже говорилось, наш лагерь в Штаммюле располагался в роще, где рядом была замаскирована функционирующая учебная военная база, на которой днем и ночью проходили разные учения. Под рядом расположенным искусственным озером располагался крупный арсенал, пути подъезда к которому скрывались в роще. Наш лагерь для туберкулезных больных являлся лишь надежным прикрытием от авианалетов наших союзников. Милосердия к нам немцы никогда не испытывали, комендатура лагеря состоянием здоровья пленных никогда не интересовалась. Лишь по утрам проводилась точная сверка количества умерших за сутки, трупы которых тут же погружались на грузовики, вывозились за пределы лагеря и зарывались в заранее подготовленные рвы и ямы.

В октябре 1944 г. меня вызвал Друщиц, который к тому времени стал нашим доверенным лицом в комендатуре, будучи там переводчиком. По его встревоженному лицу нетрудно было заметить, что случилось что-то неладное. Действительно, он сообщил, что ему в комендатуре удалось изъять письменный донос, в котором говорилось, что Кшановский укрывает в своем бараке под видом больного туберкулезом комиссара Красной Армии, что соответствовало правде – по поручению Ивана Алексея, руководителя подполья 326 лагеря я уже длительное время держал в своем бараке нашего офицера – танкиста по имени Шалим, фамилию которого я, к сожалению, уже не помню. Конечно же, я мог сказать, что не знал и не знаю, - коммунист и комиссар он или нет, но раскрыть то, что он здоров и у него нет туберкулеза, не составило бы труда. И, тогда мне не рассчитывать на снисхождение. Значит, надо как можно скорее уходить из лагеря, но как и куда?!

Мне и здесь улыбнулось счастье – в тот день был дан приказ коменданта изолятора о срочной отправке группы "выздоровливающих" по этапу.

Уже вечером, под фамилией Шановский Степан я вместе с большой группой пленных, с чувством глубокого сожаления и тревоги расстался с моими добрыми друзьями. Гораздо позднее, уже после освобождения из плена, мне стало известно, что друзьям удалось разоблачить и уничтожить предателя. Таким образом, Володя Друщиц в тубизоляторе Штаммюле дважды спас меня от неминуемой гибели.

Снова везли нас в товарных вагонах, по ночам делая частые остановки. Почти непрерывно слышался гул самолетов и от взрывов авиабомб содрогалась земля. Наконец, как-то утром, на окраине небольшой железнодорожной станции наш поезд остановился. Нас выгрузили и отвели в какое-то ущелье, которое служило, по-видимому, укрытием от бомбожек. Буквально спустя несколько минут прозвучал тревожный вой сирены и через несколько минут в небе на большой высоте появилось множество тяжелых бомбардировщиков. Над станцией они проследовали беспрепятственно вглубь территории страны, сбросив где-то на окраине вокзала несколько бомб огромной силы, после которых нашему взору открылась картина разрушений – многометровой глубины воронки, разбитые в щепки вагоны, причудливо изогнутые стальные рельсы. Наш состав уцелел, но проехать дальше оказалось невозможно из-за

разрушений и кто-то предположил, что нас могут вернуть обратно. Подобного я страшился, ожидая в этом случае расправы. Когда наш состав все же тронулся, стало понятным, что мы движемся дальше.

Глава 10. ГЕММЕР

Всю ночь состав простоял на околице небольшого поселка. Наступило пасмурное утро, моросил прохладный дождь. Невдалеке виднелся поселок, располагавшийся в ущелье вокруг возвышающихся плоских гор, покрытых мелким кустарником. Наш вагон был настолько ветхим, что насквозь продувался холодными сквозняками. Люди мерзли настолько, что все уже давно были на ногах и каждый грелся как мог. Меня спасала шинель, а еще при отправке один из товарищей сунул мне под мышку округлый сверток, который оказался куском подстилки, потом длительное время служивший мне в качестве постели.

Трудно было себе представить, что нас ждет впереди. Внешним видом мы напоминали скорее стариков, нежели когда-то молодых людей. Лица у всех одинаково были с глубоко запавшими глазами, кожа представлялась сухой и с желтоватым оттенком, подкожный жировой слой отсутствовал, мышцы атрофировались - все было настолько истощено, что использовать нас на работах не представлялось возможным. Я тоже выглядел не лучшим образом – язвенная болезнь желудка держала меня в страхе перед постоянными обострениями из-за питания суррогатами и стрессами, не случайно мне была присвоена кличка "отец", хотя мне перевалило едва за тридцать. Теплилась надежда, что нас будут использовать на сельхозработах, где хотя бы периодически может перепадать что-то из продуктов.

Безрадостные размышления прервала команда освободить вагоны. Оказалось, мы прибыли в городок Геммер, - местность со знаменитой геммерской ямой, где был концлагерь еще в первую мировую войну и где тогда еще содержали русских пленных. Сейчас тут, преимущественно в деревянных бараках, на двухъярусных нарах было сконцентрировано свыше 100 тысяч пленных разных национальностей, которых размещали по национальному признаку в отдельные блоки. Самым большим по количеству бараков и по территории оказался русский блок. Среди других были блоки с французами, поляками, итальянцами, англичанами, американцами, были блоки с болгарами и румынами, а также и другие гораздо меньшие.

Меня в тот день обрадовало одно – на территории русского блока я встретил своего верного друга, руководителя подполья 326 лагеря, Ивана Алексея, безгранично доброго и чуткого человека. Ему тоже грозило разоблачение и пришлось срочно покинуть санитарный пункт 326 лагеря.

В этом лагере было огромное количество больных с длительно незаживающими гнойными ранами на конечностях, а возможности их лечения были крайне ограниченными, что вызывало постоянную озабоченность наших медиков. Единственно, да и вполне естественно, что мы рассчитывали на помощь наших соседей по лагерю – славян. Огромную поддержку, как близким родственникам, нам оказывали болгары, югославы, французы, итальянцы и другие, которые зачастую делились многим, чем располагали. Большинство пленных других стран, в основном молодых парней, проявляли настоящую солидарность, глубоко и искренне уважая русских. Почти все содержание посылок, которые они получали по линии международного Красного Креста,

где кроме питания были перевязочные средства и медикаменты, распределялись между русскими тяжелобольными, большинство из которых было с открытыми формами туберкулеза. Огромная скупченность людей в бараках, отсутствие элементарной вентиляции помещений, голодный паек из 1,5 литров в день баланды из пищевых суррогатов и отходов являлись "хорошим" условием для развития и распространения туберкулеза. И все же в этих условиях необходимо было продумать и найти хотя бы минимальные возможности облегчения страданий обреченных. Нам помог опыт работы в туберкулезном изоляторе Штаммюле. Необходимо было срочно изготовить пневмотораксный аппарат, определить место для проведения искусственного пневмоторакса и пневмоперитонеума, найти хотя бы минимум необходимого инструментария. Несмотря на огромные трудности, буквально за несколько дней мы решили эти задачи.

Успех в применении пневмоперитонеума благодаря его эффективности привел к тому, что с каждым днем увеличивалось число больных с показаниями для назначения этого метода лечения. Так, у одного из пленных, 27-летнего Рагима, с диссеминированным туберкулезом легких стойко сохранялась высокая температура, одышка, частым коротким кашлем, выраженная интоксикация. Ему одному из первых начали лечение методом пневмоперитонеума и через 2 месяца у него наступило значительное улучшение - нормализовалась температура и уменьшились кашель и одышка, а самое главное - у него появился интерес к жизни и он стал самым ярким пропагандистом данного метода лечения, оставшись исполнять обязанности санитара пневмотораксного кабинета.

Еще один случай, когда вдвухание воздуха в брюшную полость сыграло решающую роль в спасении жизни 29-летнего летчика с обширным инфильтративным туберкулезом легких в фазе распада, что являлось прямым показанием для пневмоторакса. Однако, его применение оказалось неэффективным, ибо рентгенологически отмечалось сжатие только здоровой нижней доли легкого, а средняя и нижняя доли, где локализовался процесс, оставались не поджатыми воздушной прослойкой из-за длительности процесса и образования сращений между легким и листками пристеночной плевры, которые мешали сжатию измененных долей. Кроме того, несмотря на уменьшение интоксикации и температуры, спаечный процесс возле самой каверны не давал ей уменьшиться, лишь видоизменив ее, что создавало условия для разрыва каверны со всеми возможными осложнениями - спонтанный пневмоторакс, гнойный плеврит, кровотечение и гибель.

Решено было прекратить дальнейшие наложения пневмоторакса и начать курс пневмоперитонеума. Регулярное введение воздуха в брюшную полость в течение первых 2-х недель два раза в неделю, а затем один раз в неделю дало положительный эффект. Нормализовалась температура, прекратились одышка и кашель, исчезла потливость, появился аппетит. Рентген-исследование показало наличие хорошо сформированного газового пузыря под диафрагмой с высоким стоянием ее куполов и уменьшение размеров каверны. Через 4 месяца от начала лечения каверна уже не определялась, больной чувствовал себя вполне удовлетворительно. В данном случае можно говорить лишь о ближайших результатах лечения, но больному мы тогда спасли жизнь и после освобождения из плена он одним из первых был отправлен на Родину.

Еще один пример. В ноябре 1982 г. меня посетил мой фронтовой друг фельдшер Сученко Владимир Андреевич, который вместе со мной прошел

долгий путь фашистских лагерей, начиная с Гайсина Винницкой области и до последнего этапа в германском лагере Геммера. Мы долго вспоминали годы лихолетья и радовались тому, что уже все плохое позади. Володя обладал огромной энергией и смелостью, оказывал не только медицинскую помощь больным и раненым, но и в невероятно трудных условиях, нередко с риском для жизни устанавливал связь с местным населением для организации сбора продуктов, медикаментов и перевязочного материала. И вот длительное непрерывное нервное перенапряжение, на фоне хронического голода в условиях плена подорвали его силы – весной 1944 г. мой боевой друг заболел открытой формой туберкулеза с наличием каверны в правом легком. Мне удалось удачно наложить ему искусственный пневмоторакс, после чего дело пошло на поправку даже в условиях лагеря. С тех пор прошло без малого 40 лет, Володя не только выздоровел но и вырастил и воспитал двух сыновей, которые стали врачами. Однако, спустя пять лет после этой памятной встречи, осенью 1987 г. на фоне гипертонического криза и при нарастании сердечно-сосудистой недостаточности, он умер...

Весть об успешном применении в русском блоке поддуваний при туберкулезе легких вскоре стала достоянием медиков из блоков, где размещались пленные других национальностей. Мы с гордостью демонстрировали им свой самодельный аппарат для пневмоторакса. Через некоторое время, с разрешения немецкой комендатуры, нас начали приглашать для наложения пневмоторакса или пневмоперитонеума в блоки болгар, югославов, поляков, итальянцев и других. Они же, в свою очередь, делились с нами перевязочными материалами, дезсредствами и медикаментами, которые получали через Красный Крест из Швейцарии. Так непроизвольно, на деловой основе среди медиков, закладывалась самая настоящая интернациональная дружба.

Приближался конец 1944 года. Мы с нетерпением ждали окончания кровопролитных сражений и капитуляции Германии, в чем уже никто не сомневался. Это было заметно и по поведению охраны лагеря. Наиболее озверевшая ее часть, отличающаяся жесточайшим обращением с пленными, постепенно исчезла и появилась другая, более лояльная. Массовые избиения пленных русских прекратились, стало свободным общение медиков разных блоков.

Однажды в лагерь приехали представители международного Красного Креста, которые с целью недопущения бомбардировки лагеря союзной авиацией согласовали с немцами нанесение на крышах всех зданий, кроме русских барачков, красных крестов. Прошло несколько дней и случилось непредсказуемое. Во время одного из массовых налетов англо-американской авиации несколько самолетов пошли на резкое снижение над нашим лагерем. Затем послышался нарастающий вой падающих бомб и последующий грохот разрывов с огненными вспышками над зданиями, дым и отчаянные крики бегущих и гибнущих в огне людей. Бомбы угодили в здания, на крышах которых были нарисованы красные кресты, а русские бараки без крестов не пострадали. Оказывается, бомбежка случилась потому, что немецкое командование красными крестами стало маскировать воинские объекты и союзники узнали об этом.

Мы, русские медики, ринулись на помощь пострадавшим и увидели страшные руины после действия авиации. Деревянные бараки превратились в догорающие щепки, смешанные с землей и окровавленными частями

человеческих тел. Вокруг звучали крики и стоны раненых, зовущих на помощь, а нам нехватало элементарных средств для оказания медицинской помощи – носилок, перевязочного материала, хирургического инструментария, что крайне затрудняло работу. Три дня и три ночи, без сна и отдыха, русские врачи во главе с Иваном Алексеевым вместе с врачами других блоков боролись за спасение жизней беззащитных людей.

Прошло много лет, но и сейчас я не могу забыть обнаруженного мною под обломками тяжело раненного в результате этой бомбардировки француза. Он глухо стонал под обломками и мы с Володей Сученко стали быстро разбирать завал. Среди развалин мы увидели страшную картину – безформенное, еще живое тело издавало глухие стоны, пытаясь освободиться от обломков. С крайней осторожностью нам удалось освободить пострадавшего. Одежда его была изорвана в клочья и опознать национальную военную форму не представлялось возможным, но по обрывкам слов стало ясно, что он француз. Мы попытались осторожно поднять раненого, что вызвало у него резкую боль, а при осмотре были обнаружены множественные переломы рук и ног, в том числе открытые переломы правого бедра и голени с массивной кровопотерей. С трудом его удалось положить на носилки и отнести на перевязку, а один из наших предложил сделать ему прямое переливание крови. В качестве донора дал согласие быть мой Ваня Хохлин, работавший у нас в качестве фельдшера, благо, у него оказалась первая группа крови. Великодушный поступок нашего товарища вызвал всеобщее одобрение, особенно среди медиков других стран, тем более, что вид Вани был такой, что ему самому нужна была помощь.

Начался 1945 год. Положение пленных с каждым днем ухудшалось. Стремительный разгром немецких войск на восточном фронте, наступление союзников на западе ускорили падение Германии. Особенно остро это ощущали мы: участились случаи перебоев в выдаче "баланды" и хлеба-суррогата, не хватало воды. С утра до позднего вечера больные, как стая ворон, бродили по мусорной свалке возле кухни в поисках чего-то съедобного, собирая очистки картофеля, брюквы, свеклы, проросшего зерна и прочего мало-мальски съестного. Все это поедалось без мытья и без всякой термообработки, что вызывало среди медиков большую тревогу. Такое употребление гнилых и грязных пищевых отходов привело к возникновению острых желудочно-кишечных заболеваний и наконец, к эпидемии дизентерии, течение которой у крайне истощенных и обезвоженных людей мигмом приводило к смертельному исходу. Болезни, голод и холод привели к резкому увеличению смертности среди пленных. Ежедневно, по утрам уже не один, а несколько грузовиков загружались трупами истощенных, когда-то жизнерадостных людей.

Эпидемия дизентерии встревожила и немецкую комендатуру. Пленным запретили выходить из барачных помещений, стали применять дезсредства для санобработки помещений, пищевых отходов, туалетов, в бараках ими протирались нары, двери, окна, полы и другие предметы. Однако, должного эффекта не наступило, ибо победить дизентерию в тех условиях было невозможно и смертность от нее постоянно росла. Теперь уже машины, вывозящие трупы, курсировали непрерывно по маршруту "лагерь – рвы в лесу за околицей". К этому несчастью прибавилось другое. В конце марта 1945 г. нам поступили сведения, что немцы, отступавшие под натиском союзников, силами спецотрядов СС стремились истребить всех военнопленных, в первую очередь русских.

К тому времени, хотя и сохранялась прохладная сырая погода, дожди прекратились и установилась ясная погода. Больных дизентерией осталось

мало, с весной ее новых случаев стало намного меньше и мы сконцентрировали их в одном бараке. Нас, оставшихся в живых, тянуло к теплу, на солнце. Мы с радостью набрасывались на появившуюся кое-где на обочине у барачков зелень, срывали ее и сушили. Затем растирали ее, добавляли воду и соль (у кого была), делали лепешки, которые вновь сушили на солнце и тут же поедали. Мы радовались приходу весны, пробуждению природы, теплу, наконец, близостью свободы.

Однако, в условиях надвигающейся на нас угрозы расправы необходимо было хорошо продумать тактику поведения. Наша группа сопротивления приняла решение в случае опасности и истребления оказать врагу организованное сопротивление, для чего надо было заранее приготовить возможно большее количество режущих и колющих предметов, дубинок и других средств, которые могли бы служить оружием. Мы понимали, что этого недостаточно, но каждый из нас решил, что лучше умереть в жестокой неравной схватке с врагом, чем пассивно ждать смерти. Мы понимали, что можем надеяться лишь на минимальный успех и все же готовились к сопротивлению. Необходимо было мобилизовать все резервы, нужны были тренировки для хотя бы небольшого укрепления сил в предстоящей борьбе, единственным способом которого в наших условиях стала ходьба.

И вот, в конце марта 45-го при ускоренной ходьбе вокруг барачков у меня снова открылось желудочное кровотечение, я потерял сознание и упал. Через небольшой промежуток времени я пришел в себя, очнувшись от жгучих болей в животе на импровизированном операционном столе, где меня уже оперировали по жизненным показаниям в связи с профузным желудочным кровотечением. Мне не позавидует тот, кому пришлось быть хотя бы раз свидетелем оказания оперативной медицинской помощи раненым в экстремальных условиях плена или самому оказаться в таких условиях. Даже кратковременную острую боль, скажем, при удалении зуба, вскрытии гнойника или вправлении вывиха можно перенести. При полостных же операциях, когда хирургическое вмешательство длительно, а хирург или анестезиолог экономит анестезирующие средства, неизбежно возникает стрессовая ситуация – ты огромным усилием воли, сцепив зубы, едва сдерживаешься, пытаешься затормозить и уменьшить боль. Вот и я чувствовал такую жгучую боль в животе, которую можно было сравнить лишь с болью от прикосновения раскаленного железа. Новокаин, которого было очень мало, был уже израсходован, а предстояло еще закрыть брюшную полость и наложить швы на мышцы живота. Счастье, что меня оперировали высококлассные хирурги, мои добрые друзья И.Г.Алексеев и К.В.Дружков. Ход операции наблюдали иностранные доктора и после ее окончания один из них, итальянец, заявил: "В таких варварских условиях только русский мог выдержать подобное!" После этих слов он вышел, но вскоре вернулся с внешне пустым чемоданом в руке, который имел двойное дно и под которым было два слоя шоколада. Один слой итальянец снял и отдал со словами: "Это для Стасика!" Несколько дней я был между жизнью и смертью, периодически теряя сознание. Жалею, что не узнал фамилию итальянского коллеги, которому в значительной степени обязан выздоровлению. После операции, по очереди, днем и ночью, мои друзья Николаев Захарий, Сученко Володя, Хохлин Ваня – поили меня маленькими порциями разведенного шоколада. Первую ночь я почти не спал – беспокоил усиливающийся кашель, стало трудно дышать и не хватало воздуха, повысилась температура. Разыгралось осложнение – послеоперационная пневмония, при которой особенно губительным был

кашель, каждый кашлевой толчок которого вызывал напряжение мышц и режущую боль по всему животу, особенно в области швов. Лишь тугим стягиванием живота тряпкой-бинтом и постоянным придерживанием мышц руками при кашле удавалось в какой-то степени уменьшить боль и предупредить расхождение швов...

Прошло две недели, наступила середина апреля. Я лежал на железной кровати в полуподвале кирпичного трехэтажного здания, частично разрушенного бомбежками, которое располагалось в ущелье над крутой возвышенностью, покрытой густым мелким кустарником. И вдруг я увидел, как с возвышенности, без единого выстрела спускается к лагерю цепь за цепью американская пехота. Рядом лежащие пленные от неожиданности и безграничной радости оцепенели и никто не мог поверить в реальность свершившегося чуда – освобождения! Даже тяжелобольные начали сползать с кроватей с желанием увидеть освободителей.

Свобода! Какое это емкое слово! Мне кажется, что оценить глубокое содержание этого можно только в сравнении. Народная мудрость говорит: "Истина познается в сравнении!" Хронический голод, постоянное психологическое угнетение, угроза истребления, когда каждый из нас готовился к последней смертельной схватке с ненавистным врагом, и вдруг – свобода! В первые часы мы не могли до конца осознать и поверить в то, что наступил новый этап в нашей жизни. У многих из нас это вызвало непреодолимое желание мстить врагу. В один миг остатки немецкой охраны, офицеры комендатуры были выведены на центральную площадь лагеря. Центральная площадь! Если бы она могла рассказать о всех злодеяниях за все годы ее существования с времен первой мировой войны. Рассказывали, что еще в те годы расправы над русскими военнопленными проходили на этой площади. Здесь же и фашисты жестоко расправлялись с нашими в годы Второй мировой, именно здесь планировалось проведение массового истребления военнопленных при немецком отступлении под натиском союзных войск.

Но сейчас бывшие пленные без какой-либо команды сгоняли на эту площадь своих мучителей. Месть наша стала заслуженной карой извергам. Я, свидетель злодеяний, чинимых фашистами, утверждаю, что возмездие было справедливым!

Я понемногу стал передвигаться и по мере сил принимать участие в работе медиков. Невыносимо было смотреть на безнадежных больных в туберкулезном изоляторе. На их пылающих от лихорадки щеках, в тусклых глазах, на синюющих губах можно было прочесть лишь миг радости, сменяющийся продолжительной грустью и тоской, которые олицетворяли их обреченность. Каждый из них постоянно спрашивал, когда можно вернуться на Родину, не понимая, что дни их жизни сочтены – они умирали, но даже в мыслях не допускали того, что ни Родины, ни своих родных и близких им не увидеть.

Совершенно непредвиденные события в лагере вызвали много бессмысленных жертв. Освобождение оказалось настолько неожиданным, что никто не мог поверить в реальность этого. Уже с первых дней в лагерь начали подвозить достаточное количество консервированных продуктов питания, которые раздавались бывшим пленным в изобилии, без всякой системы и контроля. Буквально на второй день мы ощутили порочность такого питания – у всех нас развилась несостоятельность желудочно-кишечного тракта разной степени выраженности в результате длительного голодного существования за время плена. Началась массовая гибель людей уже не от голода, а от

неосторожного обильного употребления доброкачественной пищи, что в результате функциональной несостоятельности органов пищеварения приводило к рвоте, завороту кишок, развитию непроходимости или изнуряющему поносу, нарастанию интоксикации и глубоким психическим нарушениям.

Мы срочно обратились к командованию американских войск с настоятельной просьбой отдать под наш медицинский контроль распределение продуктов питания среди бывших пленных, что было выполнено незамедлительно. Чурбаков Тихон Николаевич, военврач, полковник санитарной службы, вместе с русскими медработниками взяли под строгий медицинский контроль распределение продуктов питания среди истощенных, все еще голодных людей. Было разработано меню щадяще-дробного питания, при котором пища выдавалась жидкой, небольшими порциями, чаще обычного и в ограниченных количествах. С согласия американской администрации была организована медицинская комиссия, которая занялась рекогностировкой ближайших районов Германии с целью выявления коечной сети больниц и санаториев для госпитализации и лечения больных и раненых бывших пленных.

Если бы меня спросили, что наиболее запомнилось после освобождения из плена, я бы не задумываясь, ответил: "Первая встреча с советским офицером и последующее возвращение на Родину". А происходило это так. Через некоторое время после освобождения нас из плена 9-й американской армией нам сообщили, что должна состояться встреча с представителем военной миссии Советской Армии. Эта весть со скоростью молнии облетела лагерь. По прибытию представителя миссии в лагерь на площадь вышли не только те, которые могли самостоятельно передвигаться, но и те, кто был на костылях, истощенные и туберкулезные больные, которым помогали идти их товарищи. На открытый кузов грузовика взобрался немолодой офицер Советской Армии в звании подполковника. Все замерли и воцарилась абсолютная тишина, лишь непрерывно приглушено кашляли больные. Офицер понимал психологическое состояние изнеможденных голодом и холодом людей. Однако то, что произошло с многотысячной толпой освобожденных из плена людей спустя 2-3 минуты, потрясло всех. Миновало много лет, но даже сейчас я не могу без слез и содрагания вспоминать этот момент. Люди, как железные опилки к магниту, тянулись все ближе и ближе к представителю Родины, что нельзя было объяснить только одним желанием увидеть новую форму, о которой у большинства освобожденных не было никакого представления. Эту тягу, этот глубочайший интерес к нашему офицеру можно было сравнить только с безграничным стремлением матери услышать и увидеть своего ребенка после вынужденной и длительной разлуки с ним. Но вот все затаили дыхание и взоры людей устремились на прибывшего офицера. Эмоциональное напряжение было на пределе, на лицах людей была написана тревога, глаза блестели, а появившиеся росинки слез на ресницах быстро скатывались по щекам. Те, у кого нервная система оказалась более тренированной, кто еще мог управлять своими эмоциями, крепились. Все ждали известий. Вдруг будто какой-то невероятной силы толчок всколыхнул всех. В один миг начался все нарастающий не просто плач, а сплошной рев многотысячной толпы. Подобного я никогда не видел и о таком не читал. Я не мог себе даже представить такой потрясающей картины невероятной радости десятков тысяч людей, переживших фашистские застенки. Это были не дети и не женщины, а взрослые мужчины, правда, истощенные до состояния скелетов, обтянутых

морщинистой сухой кожей, с седеющими волосами. Это состояние обреченных на смерть людей, внезапно получивших свободу, можно было сравнить только со знаменитой картиной великого русского живописца Иванова "Явление Христа". И молодые, и люди в годах не стыдились своих слез радости и бурно реагировали на долгожданную встречу с человеком, который представлял Родину. Тот, кто побывал в плену вдали от Родины, кто почувствовал вкус чужого горького хлеба, кто годами ощущал свое бесправие – тот на всю жизнь запомнит, что для него Родина и как ее надо любить.

Прошло около месяца со дня освобождения из плена. За это время коллектив врачей, особенно русских, проделал огромную работу по сортировке, распределению и подготовке к транспортировке, а затем и направлению многотысячной армии больных и раненых в различные госпитали, санатории и больницы Германии. Радостно было наблюдать, как с приобретением свободы, получением нормального питания и повышенного внимания к больным со стороны всего обслуживающего персонала с каждым днем состояние здоровья больных улучшалось, появились характерные для русского человека шутки и прибаутки с остротами о фашистах и их разгроме. И все же не было такого дня, чтобы больные, даже нетранспортабельные, при врачебном обходе не спрашивали, когда же их отправят домой.

И вот 14 мая 1945 г., ровно через месяц после освобождения из плена, был сформирован первый эшелон для отправки освобожденных русских военнопленных на Родину. Врачебной комиссией были тщательно отобраны только транспортабельные и выздоравливающие, а в качестве их сопровождающего врача единогласно выбрали меня, как наиболее пострадавшего за время пребывания в фашистском плену, особенно в этом лагере. Было также решено провести разъяснительную работу среди тех, кто по состоянию здоровья еще не мог быть отправлен на Родину. Однако, такая работа оказалась малоэффективной, настолько сильно было желание каждого скорее вернуться домой! Всем хотелось ехать на Родину немедленно, без промедления и активно включиться в работу по восстановлению разрушенной войной страны и ее народного хозяйства.

Провожать первый состав с освобожденными и возвращающимися домой вышли все, кто мог передвигаться и кто еще оставался в Геммере. Я попрощался со своими друзьями в надежде на скорую встречу с ними уже на Родине. Состав тронулся и на следующий день мы пересекли реку Эльбу, оказавшись в расположении своих войск – в одной из воинских частей, уже по-настоящему освобожденными из плена.

Впереди была дорога домой, на Родину и новая жизнь.